

Елена Молохова

Рита Навьер

НИЖЕ БЕЗДНЫ
ВЫШЕ ОБЛАКОВ

Елена Шолохова
Рита Навьер
Ниже бездны, выше облаков

<https://litres.ru/74311038>

Аннотация

Больше всего на свете Таня боялась стать изгоем. И было чего бояться: таких травили всем классом. Казалось, проще закрыть глаза, заглушить совесть и быть заодно со всеми, чем стать очередной жертвой. Казалось... пока в их классе не появился новенький. Дима. Гордый и дерзкий, он бросил вызов новым одноклассникам, а такое не прощается. Как быть? Снова смолчать, предав свою любовь, или выступить против всех и помочь Диме, который на нее даже не смотрит?

Содержание

1. Дима	5
2. Дима	7
3. Дима	12
4. Дима	17
5. Таня	23
6. Таня	28
7. Таня	33
8. Таня	39
9. Таня	43
10. Таня	50
11. Таня	56
12. Таня	61
13. Дима	72
14. Дима	76
15. Дима	81
16. Дима	86
17. Таня	92
18. Таня	100
19. Таня	112
20. Таня	121
21. Дима	128
22. Дима	133
23. Таня	140

24. Дима	146
25. Таня	153
26. Дима	161
27. Дима	167
28. Таня	176
29. Таня	181
30. Таня	187
31. Таня	192
Конец ознакомительного фрагмента.	193

1. Дима

От автора

Дорогие читатели, это моя первая книга, написанная более 10 лет назад. Недавно мне вернулись от издательства права на все мои старые книги, и я теперь могу их продавать сама, поэтому перезаливаю сюда. Приятного чтения!

Дима

Эта тетка из инспекции ПДН пытала меня второй день подряд. Как, мол, до такой жизни докатился, тебе всего шестнадцать, а ты уже...

И вовсе я не «уже». Просто неудачные обстоятельства, поклеп со стороны «очевидцев», плюс неблагоприятная семья в анамнезе. В итоге: все свободны, все гуляют, виноват я один.

По правде говоря, инспекторша была вполне себе вменяемая. Не поучала, не отчитывала, а, скорее, сокрушалась, что не той дорожкой иду. Расписала в красках, куда эта дорожка обыкновенно приводит. После такой вводной я, видимо, должен был всё осознать и покаяться. Но я упорно молчал.

Тогда она зашла издалека. Точнее, решила копнуть глубже:

- Дима, а какие у тебя отношения складывались с матерью,

когда ты был маленьким? Тебя часто наказывали?

Молчу. Разглядываю серые в трещинку стены ее кабинета, решетку на окне, полку с книгами, в основном, кодексами. Откровенничать здесь вряд ли кому захочется.

- Кто-то в детстве тебя обижал?

Ход ее мыслей я угадал – она добросовестно пыталась найти истоки моего поведения. Но в моем случае истоки ни при чем. Просто крайнего нашли. Я, конечно, не ангел се-ребристый и запросто ввалить могу, если кто напросится. Но чужие грешки мне ни к чему, тем более если это «тяжкие телесные».

- А ты не помнишь свое самое сильное впечатление? Радостное или грустное.

Лучше бы спросила, по делу меня обвиняют или нет. Это ее почему-то не волновало. Зато с упорством барсука-медо-еда она вгрызалась в дебри моего подсознания.

- А чего ты боялся больше всего? Может, и сейчас какие-то страхи остались?

Эти дурацкие вопросы ни о чем мне надоели, и я «отключился». Стал думать о своем.

2. Дима

Помню, маленьким я до жути боялся темноты. На ночь мама оставляла свет в ванной – там, под самым потолком было окошко. Оно сияло желтым, рассеивая тьму.

Однако эта поблажка полагалась не просто так – после отбоя нельзя было выходить в коридор. Мать грозила ремнем, если посмею выйти. Но я все равно запрет нарушил, хотя и не нарочно. Однажды в ванной перегорела лампочка. Внезапная темнота ослепила. Постепенно глаза привыкли, и тогда проступившие силуэты стали казаться мне чудовищами. Я всерьез боялся спустить ноги, думал, что одно из них вполне могло притаиться под кроватью.

В общем, не выдержал я такого напора эмоций – вскочил, оттолкнулся что было мочи и прыгнул. Еще шаг – и дверь, за которой светло... за которой мама. В те годы я любил ее до беспамятства, по крайней мере, мне так помнится.

В тот вечер у матери был гость – незнакомый мужик. Они сидели за столом в большой комнате, выпивали. Этот гость полностью заслонял мать спиной. Только ее рука мелькала. В какой-то миг он словил мамину руку, а мне, шестилетнему, напридумывалось черт знает что: на маму напали! Маму надо спасать!

На цыпочках я скользнул на кухню. Взглянул на чайник: «Идея! Всего и делов-то – плеснуть в мужика». Тронул –

горячий, но тяжеловат. Орудовать неудобно. Ограничился кружкой. Но и этого вышло достаточно. Мужик подскочил и с диким воплем заметался по комнате. Мать поначалу ничего не могла сообразить, но своему спасению явно не обрадовалась. Ну а затем мне здорово досталось от обоих.

Лупили нещадно, а уже побитого, закрыли в темной спальне. Было тогда не столько больно, сколько обидно. Может быть, я и всплакнул даже, потому что, ко всему прочему, мать пообещала сдать меня в детдом. Зато темнота больше уже не пугала.

Да и вообще я понял, что страх, по большей части, надуман, а потому решил просто не позволять себе бояться. Удавалось когда как. Поначалу нет-нет да появится в груди знакомое, ненавистное трепетание, как ни заглушай. Но тут уж хотя бы внешне я старался сохранять невозмутимую мину.

Одним словом, этот эпизод стал для меня хорошим уроком...

Был у нас во дворе один пацан, рыжий, долговязый, года на три-четыре старше меня. Звали его Стас. Забавлялся тем, что гонял ребятню. Ладно бы просто гонял, а то ведь любил поиздеваться над теми, кто младше. А таких – полдвора. Малышня его боялась. Да и я в те годы тоже всякий раз напрягался, завидев Стаса. Бывало, обходил стороной или даже прятался. Зато если попадался, бился с ним, как мог и, разу-

меется, отхватывал по полной программе. А после драки, зализывая боевые раны, мечтал, как однажды чудом обернусь каким-нибудь спайдерменом и уделаю этого рыжего в хлам. И чтоб непременно у всех на глазах.

Но чуда ждать не пришлось. А получилось так: вскоре после той злополучной ночи столкнулись мы с ним нос к носу в проходе между двумя пятиэтажками. Он – довольный, чуть ли ручки не потирает, конопатая физиономия расплылась в ухмылке, а у меня, между тем, страха – ноль. Впервые! Зато злобы – через край, аж внутри всё клокотало.

Приемам всяким я, конечно, был необученный, так что действовал по наитию. С наскаку запрыгнул на него, вцепившись в костлявые плечи. Стас от неожиданности не удержал равновесие и завалился на спину. Я оказался сверху. По инерции треснул его лбом куда пришлось. А пришлось по сопатке.

Затем стиснул руки на шее, такой же конопатой как и физиономия, и процедил сквозь зубы: «Удавлю, сучонок. Загрызу». Точь-в-точь как тот ошпаренный мужик.

Потом меня оттащили какие-то тетки, еще и матери пожаловались.

За разбитый нос мать устроила порку, хотя обычно смотрела на подобные вещи сквозь пальцы. Жалобы соседей и воспитателей пропускала мимо ушей, правда, не потому что она у меня такая демократичная, просто на воспитании особо не заморачивалась. Но в детстве я воспринимал ее равно-

душие за доброту. Гордился, что вечером меня единственного не загоняют с улицы домой, разрешают ездить на речку одному, не зовут обедать среди игры.

После того ночного происшествия она отвечивала мне затрешины по любому поводу и при этом умудрялась демонстративно не разговаривать. Самое большее, могла бросить фразу типа «Ты мне всю жизнь испортил» и опять молчок на целый день.

Я недоумевал, с чего вдруг такие перемены, почему она все время злилась и распускала руки. Теперь-то понимаю – мать отчаянно пыталась наладить личную жизнь, что и так с ребенком не слишком непросто, а тут еще я кавалера отпугнул. Вот и срывалась на мне.

Зато во дворе меня зауважали. А это, как оказалось, не только приятно, но и выгодно. Давали кататься на велике – своего у меня не было. Одалживали диски с аниме и боевиками. Приглашали в гости рубиться в GTA (и если о велике я еще мог помечтать – мать, случалось, роняла такие посуды, хорошенько подпив – то компьютер в те годы был для меня совершенно за гранью реальности). Новые друзья появились.

Особенно я сдружился с двумя – Костей Бахметьевым – их семья только-только переехала в наш дом – и Эдиком Лопыревым. Этот Эдик таскался за мной целыми днями, всё потому что я и за него вступился перед Стасом.

С Лопыревым никто не хотел водиться. И я подавно. Он был маленький, хилый, еще и плаксивый – ну, какие с ним

игры? Но, главное, все во дворе дразнили его козявочником за то, что он в носу ковырялся. Дружить с таким считалось зазорно. Сто раз собирался послать его куда подальше. Но он так жалостливо и искательно заглядывал в глаза, так робко улыбался. Ну, как тут пошлешь?

3. Дима

Лопырев жил по-барски. Но и ему вечно чего-то не хватало. То одно клянчил, то другое. Хотя предки ему ни в чем не отказывали. Ну, или почти ни в чем. Иногда, жаловался он, отец его ни с того ни с сего «включал» жлоба и отказывал в самом элементарном. Но Эдик не сдавался и канючил до последнего, пока папаша не сдаст позиции. Бывало, это вожденное «самое элементарное» сразу же надоедало и переходило ко мне в качестве презента. В те годы я не умел распознавать унижительное снисхождение и принимал подачки за подарки, да еще и радовался.

Мне вообще нравилось бывать у Лопыревых. Нравилась Эдика мать. Она, завидев меня, всегда премило улыбалась, угощала пирожками, которые, между прочим, пекла сама (если бы моя мать хоть раз что-нибудь состряпала, я бы, скорее, решил, что ее подменили).

А еще она повторяла: «Какое счастье, что у Эдички наконец-то появился друг. И я очень рада, что это ты, Дима».

Тут я, надо признаться, сильно недоумевал. Почему Эдик за меня держался, было как раз понятно – Стаса отвалил, и потом, когда уже учились, пару раз вступался, пока его в покое не оставили.

Я же на своей параллели был старше всех, кого – на год, кого – на два, а кого – чуть ли не на три (это моя беспечная

мамаша в первый год набора забыла отдать меня в школу с ровесниками, хотя уверяла бабуку, что намеренно отложила, типа «пусть отдохнет». А на следующий год, как раз перед первым сентября я заработал перелом голеностопа и три месяца скакал на одной ноге). Так что в школе я был переростком.

Хотя возраст здесь дело десятое – авторитет на одном «всех старше» не построишь. На Эдика, вон, и совсем мелюзга поначалу наезжала. Ну, ладно, школа не в счет. Самое большое, что ему там прилетало – это пара пинков, а от этого еще никто не умирал.

А вот от Стаса он страдал как никто. Пацаны рассказывали, тот его и в грязи заставлял на коленях ползать, и ботинки лизать и это еще не самое гадкое – Стас на всякие извращения был очень изобретателен. Так что понятно, с чего Эдик привязался ко мне. Я у него был словно защитный тотем. Только вот матери Эдика с чего радоваться? Лопырев, по его словам, от родителей всё скрывал. Наверняка, так оно и было. Иначе его мать сама бы этого Стаса давно натянула.

Так что ее восторги на мой счет были совершенно непонятны. И это притом, что мамыши других пацанов вечно на меня косились недовольно. Даже родители Кости Бахметьева, моего лучшего друга, постоянно накручивали: из плохой семьи, никакого воспитания, научит дурному. Хотя сами, бывало, усядутся всем скопом ужинать прямо из сковородки, чтобы тарелки потом не мыть. Ложки стучат, челюсти

работают – в общем, дружный семейный ужин. Мне-то без разницы. А вот моя мать от такого зрелища точно бы опешила, как минимум. У нее на этот счет просто бзик был: вилки, ножи, салфеточки. Хотя дома чаще всего едой даже не пахло.

Раньше она работала официанткой в дорогом ресторане – может, там нахваталась.

У Лопыревых, кстати, разводили те же церемонии. Зато когда мне доводилось сидеть с ними за одним столом, чувствовал себя вполне непринужденно. А мать Эдика ахала: «Ты ешь как культурный человек». Все бы ничего, только это «как» коробило. Но она хотя бы, одна из всех, нос от меня не воротила и даже, наоборот, всячески приветчала.

А потом у Лопыревых пропали деньги. Нам уже тогда лет по двенадцать исполнилось. Сколько пропало, не знаю, но, наверное, прилично, если судить по масштабам скандала. И представили всё так: я пришел – деньги были, ушел – денег не стало.

Мать Эдика даже мысли не допускала, что я здесь ни при чем. Истерила, требовала, угрожала. Цеплялась на улице. Раззвонила на весь двор, что я их обокрал. Домой к нам ходила.

Правда, моя мать по части поругаться тоже не промах. Обложила ее таким выразительным матом, что та потерялась – хлопала глазами, разинув рот. Это уже школа рюмочной – там теперь мать зарабатывала на хлеб, и там язык матов был не то чтобы в чести, но, скажем так, в постоянном обиходе.

И все же тогда «сделала» нас Лопырева. Придя в себя после серии «трехэтажных», она развернулась и заспешила прочь, бросив напоследок:

- А я вам еще одежду для Димы давала!

- Подумаешь, одежду она давала, - ничуть не смутилась мать. – Обноски какие-то.

- У вас и таких нет! – крикнула она, спускаясь по лестнице. - И не надо – вещи, может, и не совсем новые были, но зато фирменные.

Мать бы и дальше переругивалась – уже вошла в раж. Пришлось оттолкнуть ее и захлопнуть дверь.

- О каких вещах она говорила?

- Ай, да притащила как-то барахло, джинсы, куртку зимнюю. Сказала, тебе. Мол, ее лилипуту Эдичке, очень велико будет, а тебе – в самый раз. А там все ношенное, старое. Ты бы все равно носить не стал. Ну, конечно, Эдичке она бы новое купила, а нам старье отдать не стыдно...

- И где это барахло? – перебил я мать, пока она не присела на своего излюбленного конька – причитать какие все богатые жадные, и какая она обездоленная.

- В утиль унесла. В этот как его... комиссионку, по-старому...

- Секонд хэнд.

- Во-во. Да мне за это тряпье дали-то пшик. Говорю же, обноски.

- Так не надо было брать! – рявкнул я так, что она вздрогнула.

Можно было и не орать – какой смысл? Мать даже не понимала, как это унижительно. Я схватил пакет, пошвырял туда подарочки Эдика, по крайней мере, те, о которых вспомнил, взлетел, не дожидаясь лифта, на восьмой этаж, привесил пакет на ручку их двери, коротко звякнул и припустил вниз.

Надо сказать, сам Эдик в разгар событий во дворе не показывался. А мне как раз не терпелось с ним поговорить. На звонки он тоже не отвечал. Во что бы в итоге вылилась вся эта история – неизвестно. Выручил Костя Бахметьев. При чем додумался сам, я его не подговаривал. Подошел к Лопыревой, прикинулся наивным:

- У вас деньги пропали? А я знаю, кто их взял. Ваш Эдик и взял. Точно. Спрятал. Откуда знаю? Он сам мне сказал.

Ничего он, естественно, не знал, но попал в точку.

Эдика мы так и не увидели. Вскоре Лопыревы без лишнего шума переехали в неизвестном направлении. Хотя вообще-то могли бы извиниться...

4. Дима

Этот случай, при всей своей мерзости, мою репутацию ничуть не подпортил. Даже, наоборот, в чем-то сыграл на руку. Все во дворе, вплоть до последней бабки, принялись сочувствовать, негодовать на счет Эдика и его мамы, хотя не так давно сами фыркали в мою сторону. В общем, все устаканилось. Наступил мир.

Дома же становилось совсем в тягость. Мать все чаще возвращалась из своей рюмочной навеселе. А потом и в одиночку стала прикладываться. Под градусом делалась доброй и совестливой. Липла с мокрыми поцелуями и душными объятьями. Ворковала, что я у нее – красавчик и все девки будут мои. Винулась, что плохая мать – мало заботилась.

Покаянные речи постепенно перетекали в слезы. Слезы – в вой. Но меня ее излияния не принимали, напротив, раздражали до не могу. Уходил в свою комнату. Дверь запирали на замок – специально врезал, иначе и там бы доставала. Мать была долго, временами скреблась в дверь, звала «сынулей». Брр.

Иногда, наоборот, у нее случались приступы агрессии: «У-у, весь в отца пошел. Вылитый он! Как я его ненавижу! Всю жизнь вы мне испоганили».

Мой биологический папашка мало-мальски интересовал меня, может, лет до восьми. Выспрашивал у матери, у баб-

ки. Про летчиков-космонавтов-капитанов дальнего плавания мне не ввали. Сказали просто: «Свинтил за восемь месяцев до твоего рождения». Ну, свинтил и свинтил, и черт с ним. Но мать, видимо, никак не могла забыть обиду. Злилась, рыдала.

Я втыкал наушники и растворялся в гитарных заплатах, рокоте ударников и божественных воплях фронтмена Muse, с удовольствием забывая о ничтожестве собственного бытия.

Иногда мать засыпала в неожиданных местах – на полу в ванной или под кухонным столом. Переносил ее на диван. Стягивал платье, пропахшее куревом и потом, укрывал пледом. Настоящее светопреставление начиналось, когда ей делалось дурно. Тут только успевай бегать с тазиком. Иногда такая канитель длилась по полночи. Наутро мать ничего не помнила. Спрашивала, что было. Отвечал: «Ничего». Так и жили.

В пятнадцать лет я переселился к бабушке – она убедила, что всем так будет лучше. Тоже не рай, конечно, но бабка хотя бы не пьянствовала и во многих вопросах была гораздо более продвинутой, чем мать. У нее и компьютер имелся, причем не слишком допотопный, Call of Duty, по крайней мере, тянул.

У матери же опять завелся новый хахаль. Где она подцепила его, замызганного и плюгавого, даже не спрашивал, но сразу понял, что эти двое прекрасно спелись и спились. И

я там – третий лишний. Поначалу, правда, сомневался, правильно ли это – оставить мать совсем без присмотра, тем более когда поблизости вьется сомнительный тип. Но тип этот был матери явно по душе, а остальное она послала ко всем чертям.

С бабушкой отношения сложились странные. С одной стороны, как я знал, она вообще была против моего рождения. Заставляла мать идти на аборт – той было всего шестнадцать. Та отказалась, не из материнских чувств, откуда им взяться, а назло. Насолить бабушке, с которой у нее извечно были жесткие разногласия. Так что, получается, родился я назло... И потом бабушка чуть что дребезжала: «А я говорила...».

С другой стороны, парадокс, конечно, но она действительно заботилась обо мне. Моталась к нам на другой конец города с набитыми сумками. И только ради меня – с матерью они враждовали и даже не разговаривали. По большому счету, бабушка меня и кормила, и одевала, даже порой денег на карман подбрасывала. С моей-то мамашей можно было в два счета загнуться – она вообще на готовку забила.

После нашей тесной и обшарпанной двушки, бабушкина трехкомнатная квартира казалась хоромами. Обстановочка, конечно, была так себе – здравствуй, СССР. Так что главной гордостью интерьера была югославская полированная стенка выпуска ранних восьмидесятых, половина которой отведена под книги, половина – под хрусталь.

Жилось с бабушкой сытно, но скучно. Во-первых, она была сдвинута на порядке. А это: дома чисто до стерильности; руки мыть чуть ни каждые полчаса; на кровать не садиться и вообще ничего не трогать; завтрак, обед и ужин – строго по расписанию. Короче, тоска.

Во-вторых, она, отпахав лет сорок на кафедре истории, видела, точнее, хотела видеть и во мне будущего историка. Подсовывала «интересные» статейки, грузила массой ненужных фактов, а не находя отклика, раздражалась пламенной речью, суть которой, если кратко: «История – это наше всё, человек без истории – никто».

В-третьих, она проявляла неумный интерес к моим школьным успехам, которые были очень скромны. Мне, можно сказать, повезло, что бабушка пребывала в неведении насчет прогулов, потому что и без того доводила нотациями до безумия.

Еще одно неудобство всплыло после переезда, о чем сразу как-то не думалось: добираться до школы стало далеко и неудобно. Сначала до остановки идти минут десять. Ладно, зимой, в морозец – пять. Потом стой, топчись, жди транспорт. И здесь уж как повезет, потому что утром желающих ехать – целая толпа. Все нервничают, на работу торопятся.

Я, может, в школу и не очень рвусь, но тоже неохота мерзнуть. А подойдет маршрутка, так на одно свободное место человек десять рвутся. Бабушка заикнулась, было, о переводе поближе, но я так бурно и свирепо отреагировал, что больше

на эту тему речь не заходила. До поры.

Сам не знаю, чего я так цеплялся за свою старую школу. Все эти неудобства терпел. Не безоблачно ведь было. С половиной учителей на ножах. Нет, понятно, все – свои, кругом – друзья, подруги. Вот только куда девались эти самые свои-друзья-подруги, когда понадобились? Но тут я сам, конечно, виноват – совершенно не умею в людях разбираться. И раз за разом – на одни и те же грабли. Словом, переходить в другую школу не хотел, но... вышло все иначе.

Инспекторша вздохнула, видать, поняла, что разговорить меня не получится.

- Зря ты, Дима, так замыкаешься. Ведь я тебе помочь хотела. Не из любопытства же спрашивала. Может, ты сегодня так себя ведешь из-за того, что произошло с тобой давно. Между прочим, всё, абсолютно всё закладывается в детстве...

Кто бы сомневался.

Тогда она протянула мне чистый лист и ручку.

- Не хочешь говорить. Ладно. Тогда напиши.

Я взглянул на нее, усмехнулся.

- О чем?

- Ну, например, о том, что там у вас произошло и почему, - оживилась она. - С твоей точки зрения.

Вот! Наконец, она снизошла спросить мое мнение. Сна-

чала подумал – не буду писать. Однако, поразмыслив, решил – а почему бы и нет? Почему бы не рассказать про ту чертову вечеринку, с которой всё и завертелось...

5. Таня

Вчера били Кристину Волкову. Всем классом. Вот где реальный ужас! У нас и раньше случались разборки, но такой трэш впервые. Стараюсь не думать, но...

Еще боюсь, как бы нам это потом не аукнулось. Почему-то мне кажется, что если всё всплывет, то нас за это по головке не погладят. Хотя Женька Запевалова убеждена, что опасаться нечего.

Волкова – новенькая, пришла в наш класс в самом начале года. Она сразу всем не понравилась. У нас вообще к новеньким относятся предвзято, поэтому, наверное, они не приживаются.

За все время прибыло к нам человек десять, а, может, и больше, и только один Эдик Лопырев – он у нас с седьмого класса – влился.

Даже Запевалова его признала и допустила в нашу компанию. А она вообще-то судит людей строго. И почему его включила в «свои», даже без прописки – не знаю. Лично мне Лопырев не очень симпатичен – мелкий, белобрысый, неспортивный. Папа про таких говорит: «Три щепочки сложены».

Мне лично нравится, когда парень высокий, крепкий и видный. Не дылда, а именно рослый. Ну, хотя бы, как Марат Айрамов, другой мой одноклассник. И на лицо чтобы был

симпатичный. Хотя, в общем-то, рост и внешность – не самое главное.

Вон, Антон Бородин тоже невысокий. Еще и очки носит, но к нему у меня хорошее отношение. Он – умный, добрый, много всего интересного знает, шутить умеет смешно. И родителям моим нравится. А Лопырев... он какой-то фальшивый, что ли. Вроде улыбается, а глазки по сторонам бегают. Так и кажется, что пудрит мозги, а сам держит на уме что-то гадкое.

Говорить с ним особо не о чем, разве что о модных шмотках, крутых тачках и тому подобное. Но с Запеваловой не очень-то поспоришь. Сказала, что он будет с нами ходить и точка.

Так же и тут – она решила, что с Волковой никто из класса общаться не должен, никто и не общается. А попробуй скажи ей слово против! Себе дороже. Она ведь у нас – мега-звезда. Все ей в рот смотрят и, если честно, даже побаиваются. Как Запеваловой это удастся – не понимаю. Внушила, что она одна знает, как лучше, а все подчиняются и даже не пикнут. Вот и мы с Ольгой Лукьянчиковой, Антоном Бородиным, ну и с Лопыревым, раз он теперь в нашей компании, во всем ей поддакиваем.

Считается, что мы дружим. Но ведь дружба – это когда все равны, а на самом деле мы вокруг нее на цыпочках ходим, что Женька скажет, то и делаем. Она почему-то выбрала в «друзья» именно нас. А хотим мы или не хотим, даже

не спрашивала. Просто позвала однажды к себе и сказала, что хватит вечерами сидеть дома и держаться за мамину юбку. Надо компанию организовать. С кем попало ей дружить неохота, а мы ей вполне подходим. Так мы и стали собираться вместе, в основном, в выходные и по вечерам.

Но и в школе если она с кем и общалась по-человечески, то только с нами. При этом, могу поспорить, Женька считает, что тем самым оказала нам великую честь и мы должны до пенсии гордиться, что мы – «избранные».

Антон Бородин уверен, что неслучайно она благодетельствовала именно нас. Он так и говорит: «Критерием селекции были наши предки. Банально, но я не возражаю».

Вечно он из себя умника строит. Хотя доля истины в его словах, конечно, есть. Потому что старший Бородин – известный в городе адвокат. Денег – куры не клюют. Мой папа – лет десять как гендиректор машиностроительного завода.

Лопырев тоже не из бедных. Папа у него – бизнесмен. И не какой-нибудь ларечник-чебуречник среднего пошиба – у него целая сеть очень даже недешевеньких кафешек (удобно, кстати – в одном из них мы регулярно зависаем, и с нас там денег не берут).

У матери Лукьянчиковой тоже свой ресторан на Тихвинской. А Запеваловой отец, можно сказать, с Бородиным-старшим в одной сфере, но на разных полюсах. Он у нее – полковник МВД.

Впрочем, выбирала нас Женька не только «по одежке».

Например, с самого начала она звала в компанию только меня и Антона Бородина, без Ольги. Но с Олей Лукьянчиковой я дружила еще с детского сада. К тому же мы с одного двора.

Ну а Женька предложила дать ей отставку, мол, она – «плебейка и дура». Оля, конечно, не голубых кровей и не мегамозг, но дура и плебейка – это чересчур.

Я сказала, что не могу так. Запевалова дернулась. Видно было, что ей неприятно и что она вообще не ожидала такого ответа. Женька, помню, ушла злая.

Я и сама весь вечер переживала, потому что уже тогда поняла – обид она не прощает. Побежала к Оле и выложила той все начистоту. Мы вместе поахали, поохали – что же теперь будет.

А на следующий день Запевалова сказала: «Ладно, пусть твоя Лукьянчикова тоже с нами ходит, раз уж она тебе так дорога». Я думала Ольга взбрыкнет, ну или, по крайней мере, будет дуться, хоть пять минут – про дуру и плебейку я ведь ей тоже передала. Но она обрадовалась! Чуть не завизжала от восторга. Даже немного обидно стало.

Теперь же Оля вообще изменилась – не узнать. Раньше была простая, веселая, смешливая. А сейчас она старается Женьке подражать – с другими девчонками из класса разговаривает свысока, а некоторых и вовсе в упор не замечает. Только с нами, со мной и Женькой, она вроде как прежняя. Ну и девчонки наши тоже странные. Выются вокруг них, заискивают.

Главным образом, перед Женькой, но и Оле заодно перепадает толика внимания. Ко мне, конечно, тоже одноклассницы хорошо относятся, но хочется думать, что это не из-за Женьки. Я, по крайней мере, стараюсь ни перед кем нос не задирать и вроде никого не обижаю. Ну, кроме Кристины Волковой... теперь. Да и ее лично мне бить не хотелось. Знаю, многие бы сказали, если не хотела, зачем била. Они просто не учились в нашем классе...

6. Таня

Прибыла к нам Волкова где-то в середине сентября. Зашла на перемене, перед литературой. Но вот как она вошла – это надо было видеть! Ввалилась по-наглому, как домой. Жвачкой чавкала, пузыри пускала. У самой юбка – еле попу закрывает. Черные волосы с синими прядками начесала так, что всё колтуном стоит. А макияж – мама дорогая! Подводка от носа до виска, что глаз не разглядеть. Черничная помада. В носу гвоздик. Какие-то дешевые цепочки и браслеты повешала. В общем, красотка – умереть не встать!

Мы сначала от такого неземного чуда едва с мест не попадали. В нашей школе по поводу внешнего вида и одежды очень сурово.

У Анны Карловны, директрисы, на этот счет прямо пункт какой-то. А директриса наша – это самый страшный человек. Я не шучу. От нее даже учителя трепещут, а меня вообще в дрожь бросает при встрече.

Папа говорит, старой закалки человек – отсюда и все ее закидоны: не краситься, короткие юбки и джинсы не носить, и вообще школьная одежда должна быть серая или черная. И, видимо, чтобы показать всем, как надо одеваться, сама директриса всегда ходит в черном платье почти до пят с длинными рукавами и воротником стоечкой. Даже в жару!

С прической та же история: вечно залижет волосы назад и

скрутит в фигушку. Никакого разнообразия. Хотя в ее возрасте – а ей, наверное, под семьдесят – просто уже не до причесок и нарядов.

Девчонки говорили, что она даже нашу классную, Майю Вячеславовну, отчитывала за розовую блузку, мол, в школе надо думать только об уроках и ни о чем больше. А она, классная, своим примером нас сбивает. Правда это или нет, но Майя Вячеславовна одевается теперь уныло и невзрачно, как и все. Хотя она у нас все равно красавица.

Анна Карловна, естественно, контролирует не только внешний вид. За учебу, а особенно за дисциплину, тоже гоняет. То есть, не гоняет. Не совсем верное слово, учитывая ее преклонный возраст и то, что сама она – сухая и тощая, как египетская мумия. Просто каким-то образом умудряется держать всех нас – и учеников, и учителей, и даже завучей, в кулаке. Даже самые распушенные двоечники при ней слово лишнее сказать не смеют. Вот такая она.

К счастью, директриса – за глаза все ее зовут Карга – в нашем классе не ведет, поэтому видеть ее приходится нечасто. Кроме того, она подслеповата и легкий макияж не различает. Но такую расписную красавицу, как Волкова, не заметить невозможно, даже издали.

В общем, в первый момент от вида новенькой мы все обомлели. А она встала перед классом, лопнула очередной пузырь и выдала:

- Хай, пипл. Это ведь девятый «А»? Я буду у вас учиться.

Зовут меня Кристина Волкова. Можно просто – Кристина.

Все скосились на Запевалову, как онаотреагирует. А Женька почти равнодушно, во всяком случае беззлобно, протянула:

- Слушай ты, пидовка, не знаю, из какой ты помойки выползла, но тебе лучше поскорее вернуться обратно. А как тебя называть – решать нам.

Волкова сперва смутилась, даже покраснела слегка. Но потом, видать, решила проявить характер:

- От пидовки и слышу. А как меня называть, уже решили мама с папой. Тебя не спросили.

Вот это была сцена! У всех челюсти отвисли от такой неслыханной наглости, а Запевалова аж лицом потемнела и ноздри раздула – верный признак скорой бури. Вышла из-за парты и направилась к новенькой.

Та сразу струсила, хоть и старалась виду не показать. Правда, не слишком убедительно. А все аж из-за парт повылезли, чтоб ничего не пропустить. Но Женька до нее не добралась, даже рта раскрыть не успела – раздался звонок, и в кабинет влетела Майя.

Нашу классную мы зовем «пчела Майя». Как в японском аниме. Прозвище приклеилось к ней, в первую очередь, из-за имени. Ну и отчасти потому, что она вечно вся такая деятельная, суетная, везде торопится (и, кстати, все равно постоянно опаздывает).

- А-а, ты у нас новенькая, - бросила классная мимоходом.

– Секундочку.

Добралась до своего места, кинула на стул сумку и журнал, подвигала ящики – ничего оттуда не достала, беглым взглядом пробежалась по классу и только тогда успокоилась.

Она всегда так дергается. Урок не начнет, пока все не потрогает и не обсмотрит. Только затем она по-настоящему обратила внимание на новенькую. Хотела что-то сказать, да так и застыла. Еще бы, в нашем монастыре эта новенькая смотрелась как черт.

- Та-ак, ты у нас... Кристина Волкова... - Майя так удивилась, что натурально округлила глаза, да еще и рот открыла.

- Ага, - кивнула новенькая и снова выдула мутный пузырь.

- Ты ничего не перепутала? – наконец проговорила Майя.

– Адресом не ошиблась?

- В смысле? – не то сказала, не то чавкнула Волкова.

- Ты в школу пришла или куда? Что у тебя за вид? У нас так не ходят. И жвачку убери.

- А чё не так с моим видом? Чё вам не нравится?

Новенькая с классной была посмелее и принялась спорить, что ее вид вполне себе нормальный и вообще закона про обязательную школьную форму нет. А Майя только повторяла: «Так нельзя, так нельзя».

В другой раз мы бы, может, и позлорадствовали – у нас многие Майю не любят, по крайней мере, с некоторых пор, но Волкова уже успела заработать минус сто очков к карме. Так что это был поединок как бы двух неприятелей, и все

просто с любопытством наблюдали, кто кого уделает.

Если бы такая ситуация возникла в начале прошлого года, Запевалова, а, следовательно, и весь класс, встали бы без раздумий на сторону классной и заткнули рот этой нахалке. Но в том году у Женьки с Майей вышла ссора. Вроде и небольшая, но с тех пор Запевалова Майю ненавидит и весь класс против нее настроила.

7. Таня

Ссора и правда была ерундовая: Майя поставила ей за сочинение пять/четыре. Пять – за грамотность. Четыре – за содержание. И прокомментировала на уроке ее оценку так: «Ты, Женя, пишешь всё правильно, но так сухо, так невыразительно, так шаблонно, будто у тебя ни грамма собственной мысли нет». Это надо знать Запевалову, чтобы понять, какой смертельной обидой стали для нее слова Майи. А потом еще и на олимпиаду по русскому языку классная отправила не Женьку, а Антона Бородина, что тоже Запевалова восприняла как удар по собственному самолюбию и при первой же возможности ей отомстила.

Это было как раз накануне восьмого марта. Так вот, Женька запретила всем поздравлять Майю с праздником. А ведь именно она всегда заставляла всех скидываться учителям на подарки. Многие сдавали неохотно, поэтому только обрадовались.

Но это еще полбеды. Тогда же мы должны были выступать на смотре художественной самодеятельности вместе с остальными классами. Вообще-то мы усердно готовились, полтора месяца репетировали, а тут, прямо в день смотра, Женька заявила, что если Майе этот смотр нужен, то пусть

сама и выступает. А нас потащила за собой в боулинг, даже на пиццу и напитки для всех расщедрилась.

На следующий день Майя нас ругала и стыдила, но Женька ликовала, хоть и старалась соорудить невинное лицо. А после уроков сказала: «Жаль только, я не видела, какое у Майи было выражение лица, когда объявили восьмой «А» и никто не вышел». Позже мы узнали, что на педсовете Майю за наш демарш директриса отчитала как двоечницу. Сама Майя и сообщила. Думала устыдить нас, но Запевалова только сильнее порадовалась.

С тех пор откровенных стычек между Женькой и классной пока не было, хотя Запевалова при каждом удобном случае повторяла, что не переваривает Майю.

Мне пришла смска от Женьки: *«На ринге Чучело vs Пчела. Делаем ставки!J»*.

Наконец, Майе надоело препираться.

- Всё, Волкова, хватит. Завтра чтоб пришла как положено, а сейчас садись на любое свободное место.

А у нас всего трое человек сидят по одному: Слава Умрихин, Егор Зубков и Женя Запевалова. Женька принципиально никого к себе не дает посадить – ей нравится сидеть одной. Раньше Майя возмущалась, но потом махнула рукой на этот ее закидон. А Умрихина и Зубкова специально рассадили на задних партах по одиночке, чтобы не мешали и уроки не срывали.

Волкова замешкалась, но все-таки двинулась к парте Запеваловой, третьей во втором ряду. Только та подошла поближе, Женька пересела на соседний стул и сказала вслух: «Чеши отсюда». Все захохотали. Майя на нас прикрикнула, укоризненно взглянула на Запевалову, а Волковой велела сесть к Зубкову.

- А чего-о сразу ко мне-е? На-афиг она мне нужна-а, - загнусавил Зубков.

Вообще-то он и нормально может разговаривать, но когда спорит с учителями всегда так противно тянет гласные.

- Поговори у меня еще! – пригрозила Майя.

Но Запевалова быстро повернулась к Зубкову и подала ему знак – мол, так и действуй дальше. Теперь, чем бы там Майя ему не угрожала, Зубков скорее бы умер, но Волкову к себе не пустил. Он выдвинул второй стул и смачно плюнул на сиденье.

Майя не заметила, зато новенькая все прекрасно видела и, конечно, садиться не стала. От ее гонора не осталось и следа. Чуть не плача, она направилась к Умрихину, но тот уже поймал волну и тоже взъерепенился: «Не пущу. Иди отсюда. Я не буду с этой страхолюдиной сидеть!».

Весь класс падал со смеху, Майя истерила, а Волкова стояла совсем потерянная – вот-вот разрыдается. Смотреть жалко.

Как Майя ни билась, ни кричала, становилось только хуже. Тогда она отсадила Жанку Корчагину от Эли Смирновой

к Умрихину. А Волкову – на место Жанны. Умрихин против такой соседки спорить не стал – Корчагина у нас самая красивая и многим мальчишкам нравится. Ну а Эля – дочь Майи Вячеславовны. Разумеется, она слово против не скажет, хоть кого к ней сажай. Все сразу зашикали, зафыркали, но Майя, не на шутку рассвирепев, так рявкнула, что мы затихли.

- Вы – бездушные, безразличные, избалованные донельзя. Считаете себя взрослыми, права тут качаете. А что вы из себя представляете? Взглянули бы со стороны – вы же на людей не похожи. Зверинец какой-то!

Раньше мы классную такой не видели. И с нами она никогда так не разговаривала. А затем вообще объявила:

- Если думаете, что я это так оставлю, ошибаетесь. Для начала напишем самостоятельную работу. Проверим, читали вы «Бедную Лизу» или нет. Вообще-то я планировала рассказать вам малоизвестные факты из жизни Карам... Впрочем, теперь неважно. Доставайте тетради. Учебники убрать. Итак, пишем эссе. Первый вариант описывает характер Лизы, второй – Эраста. Кто не выполнит задание, двойка пойдет в журнал.

- Так нечестно, - затянул Зубков. – Вы нас не предупреждали.

Классная его даже взглядом не удостоила.

- Но уже почти пол урока прошло, - возмутилась Запевалова. – Мы физически не успеем.

- Во-первых, я не прошу вас писать целое сочинение. А

набросать четыре-пять предложений о героях несложно, если вы, конечно, читали. А во-вторых, кто в этом виноват? Кто здесь цирк устроил и не давал урок вести? Так что, мои дорогие, пожинайте теперь плоды.

- Это не педагогично! – не унималась Запевалова. – Такое ощущение, что вы нам просто мстите. Можно подумать, что вам легче станет, если мы все получим двойки.

- Ну, если кто-то произведение не читал, которое, между прочим, было задано на дом, если в голове нет никаких разумных мыслей, то тот вполне заслуживает двойку. И это, Запевалова, не месть. Это наказание. Понимать надо разницу.

Потом у Майи затренькал мобильник, и она вышла из класса. Только она за порог, Женька быстро проговорила:

- Никто не пишет сочинение! Ясно? Сдаем чистые листы! Все! Пчела побесится и успокоится. А двойки всему классу она все равно не поставит. Тебя, Смирнова, это тоже касается!

Эля Смирнова зарделась, вся вытянулась в струнку. Помедлила, но сочинение отложила. Не позавидуешь ей в такие моменты! У нее ведь выбор какой: или маму предать, или класс. Жалко ее. Иногда представляю себя на ее месте, как бы я поступила в подобной ситуации. Наверное, так же. Мама-то простит, а класс – нет. Но на душе, наверное, в сто раз от этого хуже.

Когда Майя вернулась в класс, мы притворились, что пишем сочинение, но со звоном сдали чистые листы.

8. Таня

За все годы учебы это была моя первая двойка. Майя, как оказалось, не просто стращала, она действительно вlepила пары всему классу. И не карандашом выставила, чтобы можно было исправить, а сразу – ручкой. Но еще сильнее двойки на меня подействовало то, что произошло на другой день после того злосчастливого сочинения.

Она вошла в класс после звонка. Мы поднялись, а она так и оставила нас на все сорок минут. В общем-то, она не говорила нам стоять, но и не просила садиться.

Она вообще ничего нам не сказала, ни звука не произнесла. И сама простояла у окна, на нас даже ни разу не взглянув. А когда урок закончился, также молча вышла. Дело даже не в том, что мои бедные ноги еле выдержали, главное, все это время я ощущала себя каким-то ничтожеством. Ей-богу, лучше бы она орала.

А позже, на английском, Сову, то есть, Наташку Шошину отправили в учительскую за журналом, и она подсмотрела, что у всех действительно выставлены двойки.

И черт бы с этими оценками. Двойку запросто можно было бы утаить. В электронный дневник мои родители заглядывают раз в полгода, да и Майя выставляет туда оценки ненамного чаще. Ну а время спустя я бы двойку исправила. Но на последнем уроке, это была алгебра, Майя заглянула

в класс, что-то пустяковое сказала учителю, а потом обратилась к нам:

- За сочинение все получили двойки. Кроме Волковой. В связи с этим, а также из-за вашего безобразного поведения и преднамеренного срыва урока послезавтра в шесть вечера состоится родительское собрание. Явка строго обязательна. Зная вашу порядочность, я самолично обзвоню всех родителей.

Сказала и ушла, а мы остались переваривать услышанное. Кому-то было вообще без разницы. Например, Зубкову. Лопырев тоже и бровью не повел – всем известно, что он из матери веревки вьет.

Я, конечно, огорчилась – стыдно ведь будет перед мамой и папой, они же думают, что их дочь чуть ли не идеальная ученица. Но Запевалова прямо побелела вся и напряглась, и буквально на миг в глазах мелькнула... тревога, что ли. Испугалась? Но чего? Какого-то собрания? Неужто так боится упасть лицом в грязь перед собственными родителями? Потом Женька обернулась к Волковой и прямо вслух, при математичке, сказала:

- Это всё из-за тебя, тварь! Ты за это заплатишь!

Поднялся гул, хотя и ненадолго. Математичка – не Майя, умела наводить порядок в классе. Но исподтишка, когда она отворачивалась к доске, в Волкову плевались и стреляли из трубочек – это Зубков вспомнил забавы позапрошлых лет, а все остальные вдруг подхватили.

Эдик Лопырев, он сидел сразу за новенькой, принялся тыкать ее ручкой между лопаток, а когда она, вздрогнув, обочивалась к нему, говорил ей похабные слова (а с нами-то, с нами-то весь такой интеллигентный).

Кстати, Волкова была уже без своего боевого раскраса и одета не так вызывающе, как в первый день. Если бы не синяя прядь и не пирсинг – ее вообще не узнали бы. Видимо, попалась-таки директрисе, и та ей вправила мозги по поводу внешнего вида.

После уроков мы всей толпой шли следом за Волковой. Ее не трогали, но давили морально: улюлюкали, смеялись, обсыпали ругательствами и даже матами. Довели почти до самого ее дома, заодно и узнали, где она живет. Это жуть! В старом, облупленном бараке, у которого все удобства – на улице. Вокруг – сараи-развалюхи, грязь, кучи мусора, невыносимая вонь. Чумазые полуголые ребятишки копошились прямо в луже, а ведь не лето уже. Откуда-то из окон барака доносились пьяные вопли.

Дальше мы не пошли, только Женька крикнула ей:

- Так вот где отбросы общества обитают. Самое место!

Потом, чуть тише добавила:

- Убила бы ее!

Когда шли домой, уже впятером, Ольга спросила Запева-лову:

- Женька, а ты чего так напряглась сегодня? Из-за этой дурацкой двойки или из-за собрания?

Выходит, не я одна заметила ее странную реакцию.

- С чего ты взяла? – Голос у Женьки сразу сделался резкий. – Вечно какие-то глупости собираешь!

Я не стала поддерживать Лукьянчикову – ну, хочет Запелова казаться пуленепробиваемой, и пусть.

9. Таня

На следующий день поводов для издевок над Волковой прибавилось – нищенский барак никто не забыл. Стоило ей появиться, как все дружно затыкали носы и делали брезгливые гримасы: «Фу-у, помойкой воняет».

На перемене Запевалова спросила ее: «Тебя на вши-то проверили?». И тут же все ее стали звать вшивой. Нарочно шарахались от нее. А Эле Смирновой недвусмысленно намекнули, что и она может заразиться. Корчагина на полном серьезе возмущалась, почему мы должны находиться рядом с бичихой.

Во время уроков, конечно, соблюдали внешние приличия, но при каждом удобном случае мальчишки ее обстреливали. И если накануне трубки «заряжали» жеваной бумагой, то на этот раз запаслись гречкой, чтобы больнее было. Запевалова снисходительно фыркала, мол, детский сад, но все-таки этот обстрел одобрила. Волкова старалась никак не реагировать, только едва заметно вздрагивала при каждом попадании.

Последним уроком была физкультура. Раздевалки у нас по давней традиции используют не только для того, чтобы переодеться. Корчагина говорит, например, что там нередко запираются парочки из одиннадцатых классов. Но еще чаще в раздевалке выясняют отношения. Я сама не раз видела, как какая-нибудь «звезда», типа нашей Запеваловой, затаскива-

ла со своей свитой туда «жертву».

Не понимаю, зачем вообще Волкова пошла на физкультуру после всего, что было. Могла бы просто уйти домой – Свисток, наш физрук, все равно про нее еще не знал. Ну и конечно, наши не растерялись. Только Волкова переступила порог раздевалки, девчонки обступили ее так, что даже захоти она, сбежать не получится.

Смирнову поставили на стреме снаружи у двери, на случай незваных гостей. Все равно в таких делах от нее толку мало. Я под шумок отошла в сторонку, примостилась на подоконнике.

Волкова занервничала. Завертелась на месте.

- Вы чего?

Но девчонки молчали – так заранее, на перемене договорились – и медленно подступали ближе, сжимая круг, в котором трепыхалась наша несчастная новенькая. У всех лица были насмешливые, у нее – испуганное. Мне стало жаль беднягу. Вспомнилось, какой она явилась к нам всего три дня тому назад. Ни за что бы не подумала, что за такой короткий срок можно сломать человека, превратить его в жалкое, затравленное существо.

- Что я вам такого сделала? – взвыла она, когда девчонки подойдя почти вплотную, стали толкать ее из стороны в сторону.

- А ты не догадываешься? Весь класс из-за одной тебя получил двойки! Еще собрание завтра – тоже благодаря тебе.

Или этого, по-твоему, мало? – Запевалова говорила негромко, с полуулыбкой.

Мне кажется, что ей просто нравятся такие моменты, когда можно кого-то унижить, растоптать, показать собственное превосходство. А все остальное – только повод прицепиться. Волкова ведь не первая в нашем классе, кого травят.

- Но я ведь тоже не писала это сочинение!

- Тупая уродка! Откуда ты вообще взялась? Если бы не ты, никакого сочинения вообще бы не было!

- Но я ведь не знала, что так получится. Я же не хотела... И не хотела... тогда... грубить тебе.

- Оправдываешься! Значит, чувствуешь свою вину перед нами. Уже лучше. Может, еще не все потеряно. Может, если ты попросишь у нас прощения, мы тебя простим великодушно. А, девочки?

- Как просить будет, - захихикала Лукьянчикова.

В такие моменты я Олю просто не узнавала. Мы ведь с ней в детстве всех собак во дворе подкармливали, брошенных котят, если получалось, пристраивали, галку с подбитым крылом, помню, выхаживали. Не выходили. Она рыдала, как и я. Откуда теперь в ней столько жестокости? Впрочем, я тоже хороша, участвую вместе со всеми, но хотя бы удовольствие от всего этого не получаю. Я просто... боюсь.

- Думаю, будет просить как следует, - заверила Запевалова, - ведь иначе мы не простим, а если мы не простим, ей же будет хуже. Ну, так что, Волкова? Ты же хочешь, чтоб мы

тебя простили?

- Простите меня, пожалуйста. Я не хотела, - пролепетала новенькая.

- Ты что, Волкова? Проси прощения как сле-ду-ет! Все-таки весь класс из-за тебя пострадал.

- Простите, - еще тише промямлила она, опустив голову.

- До нее не доходит! Волкова, на коленях надо прощения просить.

- Как на коленях? – она недоуменно уставилась на Запевалову.

Честно говоря, я и сама думала, что это шутка. Не верилось, что Женька может всерьез такое требовать.

- А вот так. Встанешь на колени перед нами и попросишь. Или смотри... Считаем до десяти, а потом пеняй на себя. Раз, два, три, четыре, - начала Запевалова, и все хором подхватили, - пять, шесть, семь...

И тут Волкова в самом деле бухнулась на колени. Я даже не ожидала.

Скрипнула дверь. Мы вздрогнули, но это оказалась Смирнова:

- Девчонки, сюда наши пацаны рвутся. Пускать?

- Нет, - крикнули мы.

- Пускай, - разрешила Запевалова.

Волкова испуганно дернулась, хотела вскочить с колен, но Запевалова толкнула ее вниз, не дав подняться:

- Куда? Мальчикам тоже досталось из-за тебя. Ты и перед

ними виновата, так что и у них проси прощения, - потом повернулась к мальчишкам, которые уже набились в нашу раздевалку, и позвала, - Идите сюда! Волкова прощения просит.

Мальчишки оттеснили девчонок в сторону и выстроились перед Волковой, глядя на нее сверху вниз с глумливыми улыбочками. Ну и физиономии у них были! Особенно у Зубкова и Лопырева. Фу-у, даже противно стало. Один Бородин, как порядочный, смущенно отвернулся в сторону. Недаром все-таки я его выделяю...

- Простите меня, - каким-то глухим, не своим голосом повторила она, не поднимая головы.

- Ну, что ж, Волкова, - воскликнула Запевалова, вытряхивая из пакета кроссовки, - теперь мы видим, что ты раскаиваешься. На первый раз мы тебя прощаем. Можешь подняться. Всё, пацаны, марш отсюда, нам еще на физру переодеваться.

Мы побежали в спортзал, а Волкова так и осталась в раздевалке.

Когда возвращались из школы, как обычно впятером, Женька, Ольга и Эдик ухохатывались, вспоминая, как изводили Волкову, будто комедию вспоминали. Особенно смаковали момент, когда та стояла на коленях. При этом Лукьянчикова и Лопырев пели дифирамбы Запеваловой, мол, какая новенькая была и какая стала и все благодаря Женькиным талантам: «Здорово ты ее укротила! Всего за три дня!».

Бородин хранил молчание. Я тоже.

Последнее время все чаще ловлю себя на мысли, что Запевалова раздражает меня своим самомнением и командирскими замашками. А ее выходки раз от разу становятся все более пугающими. Взять хотя бы ту сцену в раздевалке – это же дикость! Хотя я и не вчера поняла, что она жестокая и беспощадная к любому, кто ей слово поперек скажет, но все равно была шокирована. По крайней мере, раньше она так далеко не заходила. Запевалова, словно почувствовав, что я думала о ней, внезапно смолкла и повернулась ко мне:

- Кстати, а почему наша Танечка сегодня в сторонке торчала?

- Вас и так там была толпа. Зачем еще мне было толкаться.
- Я смутилась и едва нашлась, что ответить.

- А не в этом дело. Тут либо ты с нами, либо ты против нас. И сегодня ты была не с нами. Вот интересно, случайно так получилось или ты просто не захотела ручки марать? Может, ты вообще за Волкову? – говорила она с полуулыбкой, а глазами так и сверлила насквозь.

Сердце заколотилось. С преогромным трудом удалось взять себя в руки и не поддаться панике. Знаю я, к чему такие провокационные вопросы приводят. Сегодня ты со всеми, а завтра все против тебя. Стоит ей только слово сказать.

Волкова не первая «жертва» в нашем классе и, наверняка, не последняя. Никто этой травли не выдерживал. Кто-то раньше, кто-то позже, но все в итоге уходило от нас. И я бы не выдержала, знаю точно.

Поэтому больше всего на свете не хочу, даже нет, не так. Больше всего на свете боюсь (особенно когда она так смотрит) стать изгоем в своем классе. Вот и опять струсила и поспешила ее разуверить:

- Да ты что! Ничего я не с ней! Я ее тоже терпеть не могу. Запевалова самодовольно ухмыльнулась и больше не привязывалась.

10. Таня

Родительское собрание было разгромным. Но это я узнала позже, от наших. А вечером, после собрания мама пришла вся больная. Села на банкетку в прихожей, как будто сил у нее совсем не было, даже раздеваться не стала. «Я тебя совсем не знаю, оказывается», - вот и всё, что она мне сказала.

Я же настроилась на долгий и тяжелый разговор. Придумала оправдания. Напрасно. Мама даже не спросила ни о чем. Не воскликнула, как же я так могла поступить. Не стыдила. А лучше бы мы поговорили. Пусть бы даже отчитывала меня и укоряла, чем так, когда я даже не знала, о чем она думала.

Повезло еще, что папа был в командировке. На собрание он, конечно, не пошел бы, но наверняка стал бы маму допытывать, что да как. А потом бы горячился, ругался, причем больше на маму, чем на меня. У него вечно она во всем виновата. Даже в тех моих проступках, о которых она ни сном, ни духом. Например, именно так и было, когда я самовольно прекратила посещать музыкальную школу – мне там совершенно не нравилось, а признаться родителям не решалась.

Я уходила, когда положено, и гуляла, пока шли занятия. Чуть позже они все равно узнали правду от преподавателя. Папа мне ни слова не сказал, зато маму изводил целую неделю. И на этот раз выдал бы примерно следующее: «Это все

твое воспитание! Ты виновата! Я работаю, кормлю вас, одеваю, обеспечиваю всем. А ты не можешь справиться с собственной дочерью!».

Но и без папиного ворчания было совсем тягостно и уныло. Мама весь вечер молчала, сколько раз я к ней ни подступалась. Такой расстроенной давно ее не видела. А ведь она даже не знала о том, что после этого дурацкого сочинения мы стали травить Волкову еще жестче.

Спалось плохо. Мне казалось, что я несусь на бешеной скорости к краю обрыва, и ничто меня не спасет. Во сне я плакала, даже рыдала, потому что среди ночи ко мне пришла мама. Напоила теплым молоком с медом, утешила. Так мы и помирились.

В семь утра позвонила Запевалова. Я еще ни одеться, ни позавтракать не успела, и очень удивилась, к чему такая срочность. Все равно ведь меньше чем через час увидимся.

- Привет. Встречаемся у твоего подъезда. Выходи через десять минут.

- Но я еще не готова.

- Давай, поторопись. Дело важное. Все, пока. Жду.

Мама помогла мне надеть платье, а несъеденные бутерброды сунула в портфель. О вчерашнем собрании и двойке

больше не вспоминали.

Когда я вышла, на скамейке перед подъездом уже сидели Запевалова, Бородин и Лопырев, а через двор семенила Лукьянчикова. Она полноватая, и когда торопится, выглядит забавно. Еще и огромный помпон на шапке смешно подпрыгивал. Лопырев хихикнул:

- У колобка на голове колобок...

Женька на него шикнула, и он сразу замолк. Но когда Ольга подбежала, сама состроила гримасу не лучше.

- Ну, наконец, все в сборе, - Запевалова метнула недовольный взгляд в сторону Ольги. - Задубеть можно, пока некоторые раскачаются.

- А что за важное дело? - не утерпел Бородин. - А то я даже позавтракать не успел.

- Я тоже. Но у меня бутеры есть, так что угощайтесь, - я развернула фольгу - там оказалось четыре бутерброда с ветчиной.

Все замялись.

- Я не буду, - отказалась Запевалова. - Аппетита как-то нет. А вы ешьте, если хотите.

Мы расхватали бутерброды, но пока их поглощали, она ни слова не проронила. Заговорила только когда мы перестали жевать.

- Дело такое: я считаю, что от новенькой нужно избавиться.

- Ага, завалим ее. Киллера искать будем или своими сила-

ми обойдемся? – пошутил Лопырев, но Запевалова взглядом велела ему заткнуться.

- Эдик, я вообще-то серьезно. «Оно» не должно учиться в нашем классе.

- А что еще она натворила? – ахнула Лукьянчикова.

- Приперлась к нам, вот что. Из-за нее вот эта ситуация сейчас, - Женька неопределенно обвела рукой.

- Так ты ее не простила? – удивился Бородин.

- Я не поп, чтобы прощать, - Запевалова ни с того, ни с сего вдруг разозлилась. - Нужно, чтобы она как можно скорее свалила. Пусть в другой класс переведётся, а еще лучше – в другую школу. Ненавижу ее!

- Я думаю, зря ты, Женька, напрягаешься, если все будет идти в таком духе, как сейчас, она сама скоро от нас сбежит. Она уже как загнанный зверек. А времени прошло всего ничего. Больше чем уверен, надолго ее не хватит, - рассудил Бородин.

Я думаю, Бородин, как и я, не любитель всей этой жести: разборки, травли, гонений, но тоже боится лишний раз высунуться, чтобы самому не попасть под прицел.

Но выжидательная позиция Запевалову не устроила:

- Оставить, как есть? Еще чего! У меня из-за нее проблемы, а ты предлагаешь об этом забыть? Ну, нет. Не собираюсь я ждать, когда до этой овцы дойдет, что она здесь лишняя. Ее надо выжить. И чем скорее, тем лучше.

- Я не говорю забыть. Я предлагаю переждать. Ну, пока

страсти не улягутся. Рискованно сейчас разборки лишний раз устраивать. Мать говорит, на собрании вчера черт-те что творилось. Полный разнос.

- Да-да, - подтвердила Лукьянчикова. – Майя такого наговорила про нас! И урок сорвали, и над новенькой измывались. Короче, вели себя, как полные скоты. Причем сказала, что это ты, Женька, всех настроила. И что сочинение велела не писать, и все двойки из-за тебя получили.

- Этой идиотке Майе я еще припомню вчерашнее собрание! Но сперва разберусь с нашим зверьком.

- С каким зверьком? – не поняли мы.

- Загнанным. Да, Антоша?

Бородин и сам забыл, как назвал Волкову.

- А еще Майя сказала, - вспомнила Лукьянчикова, - что будет теперь следить, как мы обращаемся с новенькой. И чуть что – сразу поведет нас к Карге.

- О чем и речь! – подхватил Бородин. – Глупо сейчас лезть на рожон. То есть не глупо, конечно. Опрометчиво...

Бородин взглянул на Женьку с опаской – вдруг та оскорбилась на слово «глупо». Но та не стала цепляться к неосторожному словцу, а, в принципе, могла бы – водится за ней такая привычка.

- А ты прав, Бородин. Ты прав, - неожиданно для всех согласилась Запезалова. – Нужно переждать, а уж потом... Но! Совсем не отреагировать тоже нельзя. Поэтому мы не будем

с ней общаться. Полный игнор. Никто не должен с ней разговаривать. Ни единым словом. Ни при каких обстоятельствах. Пусть она знает, как мы ее презираем.

А то она не знала! Но я все равно облегченно вздохнула. Не то чтобы переживала за Волкову – честно говоря, хоть мне и было жалко ее моментами, но, по большому счету, никакой симпатии она у меня не вызывала. Просто участвовать в очередных разборках мне совсем не хотелось. Так что бойкот – это еще куда ни шло.

Лукьянчикова по просьбе Запеваловой разослала всем смски с предупреждением. Только с Элей Смирновой решено было поговорить лично – кто знает, вдруг Майя проверяет телефон дочери.

11. Таня

Сначала все шло более или менее гладко. Во-первых, после той сцены в раздевалке Волкова недели две вообще не появлялась в школе. Позвонила классной и сказала, что больная. Но потом Майя решила навестить ее дома и выяснила, что Волкова вовсе не болела, а внаглую прогуливала. Утром уходила, якобы на учебу, в обед возвращалась. Мать Волковой, как выяснилось, даже не подозревала, что ее дочь не ходит на занятия.

В итоге вернули загулявшую овечку в храм знаний, а за вранье и прогулы ее сама директриса вызвала к себе на ковер и битых два часа «проводила беседу», после чего Волкова и правда выглядела как больная.

Ну а, во-вторых, за это время негатив немного повыветрился, и когда она вышла, страсти уже не бурлили. Так что вполне получалось просто не замечать ее. Да и сама Волкова не рвалась ни с кем общаться. Молча приходила, молча уходила. И вроде бы даже Запевалова успокоилась, перестала, по крайней мере, беситься и восклицать, как она ненавидит новенькую.

Но, как оказалось, это было лишь временное затишье...

Началось всё с биологии. На уроке нам дали карточки с заданиями для самостоятельной работы. Вот только проверять надо было друг у друга с соседом по парте – вечно на-

ша биологичка придумывает всякие нестандартные приемы. Хотя понятно же, что мы сами себе пятерок понаставим.

Эля Смирнова задание сделала, а когда настало время проверки, до нее дошло, что она в паре с Волковой. Ей и так нелегко приходилось все эти дни – сидеть с человеком рядом и не сметь заговорить. Даже случайно.

Эля стала перепугано озираться по сторонам, наткнулась взглядом на Запевалову, которая тоже оценила двусмысленность ситуации и с интересом наблюдала, как выкрутится Смирнова. А та, ни слова не говоря, даже не отпрашиваясь, выбежала из класса. Всё бы ничего, но биологичка после урока подошла к Майе и рассказала ей про Элины «странности». Их разговор засекла Шошина и передала нам. Так что Запевалова успела обработать Элю прежде, чем Майя смогла ее расспросить.

- Сболтнешь про бойкот, с тобой то же самое будет, - пригрозила Женька. – А Майе скажи, что живот заболел или затошнило, в общем, сама придумай.

Эля, видимо, все Женькины указания выполнила, потому что Майя нам этот случай ни разу не припомнила.

Зато спустя два дня, на уроке технологии, ситуация, можно сказать, повторилась. Только теперь напрягаться пришлось не только Эле Смирновой, а всем нам.

На уроке мы пекли блины, потом пробовали друг у дружки. Еще и мальчишек позвали угоститься. Те, конечно, примчались с радостью и смели всё под чистую. А к блинам Вол-

ковой, естественно, никто не притронулся. Галина Ивановна, наша учительница по технологии, это заметила и велела отведать стряпню Волковой. Никто и с места не двинулся. Как она только нас не упрашивала, а потом и требовала, но мы упорно отказывались брать ее блины.

Тогда Галина Ивановна рассердилась и влепила нам всем по тройке, ну а Волковой поставила пятерку. Это было очень несправедливо и обидно! Девчонки, выходя из кабинета, специально толкали ее локтями и потом всю перемену возмущенно обсуждали Волкову и ее блины. Я попробовала встрять:

- Ну, это же Галина Ивановна поступила несправедливо. Волкова же ничего такого не сделала.

На меня сразу все зашикали. Подошла Женька:

- Ты что, Зверька защищаешь?

- Я просто хочу быть справедливой.

- Ну-ну. Еще сбегай к Зверьку, пожалей ее, бедную.

- Да причем тут Волкова! Это же Галина Ивановна...

Тут Запевалова наклонилась ко мне и на ухо прошептала:

- Только потому что мы – друзья, я тебе советую, прикуси язык. А то договоришься.

Я сразу же замолкла – еще бы не замолкнуть после такого недвусмысленного предупреждения. На меня и так стали коситься, как на сумасшедшую.

Последней каплей стал инцидент на уроке английского, на следующий же день после блинов. Алена Игоревна накануне

задала на дом выучить диалог, а рассказывать вызывала по двое на свой выбор. Мне в пару навязала Умрихина. А он – дуб дубом в английском. Я свою реплику произнесу, а он молчит. В общем, через пень колоду кое-как до конца добрались, но все-таки мне она поставила пятерку, а Умрихину – двойку.

Потом еще несколько пар отчитали, и напоследок Алена Игоревна вызвала Запевалову с Волковой. Все затихли – что будет? Честно говоря, поначалу я даже позлорадствовала про себя.

Волкова начала первая. Женька – молчок. Только желваки туда-сюда ходят, и ноздри растопырены, значит, злится. Алена Игоревна подсказывала-подсказывала, в итоге сама все Женькины реплики рассказала.

По правде, Волкова так себе отвечала, спотыкалась, сбивалась, путалась, о произношении вообще молчу. Но Алена Игоревна тем не менее поставила ей пятерку. Еще и речью разразилась, что, мол, ей, бедненькой, пришлось на себе всё вытягивать, потому что кое-кто не удосужился выучить уроки. А Женька, я больше чем уверена, этот диалог знала не хуже самой Алены. Ну а получила, конечно, пару.

У нас в этом отношении Алена Игоревна выбрала очень странную тактику: двоечников поощряет за любую мелочь, тащит, как может, бессовестно завышает им оценки, за произношение вообще не гоняет. А к отличникам постоянно придирается. Чуть какая ошибочка, самая незначительная

– сразу снижает на балл. Говорит: «Я знаю, что ты можешь лучше. А сегодня ты недостаточно постаралась».

Вот и здесь для Волковой она явно расщедрилась, потому за ее тык-мык максимум можно было поставить тройку. Ну а Запеваловой вообще шанса не дала. Хотя, если по справедливости, то Волкова ведь в этом не виновата. Просто так получилось. Но у Женьки невиноватых не бывает. К тому же Майя усугубила положение – позвонила ее родителям пожаловаться на плохие оценки.

- С Майей я еще разберусь, - сказала Женька. – А Волковой – конец!

Она собрала весь класс после уроков в актовом зале и объявила, что завтра мы должны устроить новенькой судный день.

- Если кто-то не хочет быть со всеми вместе, пусть скажет это прямо здесь и сейчас, - велела она, обводя каждого подозрительным взглядом. – Ну? Кто желает остаться в сторонке?

Никто, само собой, не пожелал. А, может, как и я просто трусили.

Это было позавчера.

12. Таня

Расправу решили учинить сразу после занятий. Весь день Волкову гнобили как прежде, когда она только пришла к нам. Швыряли в нее всем, чем ни попадя, говорили гадости, откровенно угрожали.

После уроков мы разделились на две группы – таков был стратегический план Запеваловой. Полкласса караулили ее у центрального входа, половина стерегли задний вход. Наша группка во главе с Женькой дежурила в авангарде, как сказал Бородин, на передней позиции фронта.

С виду наша компания выглядела вполне миролюбиво. А что здесь странного? Одноклассники сидят после уроков, общаются. Пока мы ждали, когда Волкова выйдет из школы, пацаны острили, пересмеивались, делали ставки, откуда она появится. Девчонки тоже сидели довольные. Из всех, наверное, только я и Эля Смирнова не разделяли всеобщего воодушевления. Ну и, пожалуй, Марат Айрамов тоже отчего-то нервничал, поглядывал на часы каждые полминуты, елозил.

Но Запевалова снова прицепилась ко мне.

- Тебе что-то не нравится?

- С чего ты взяла?

- А с того, что у тебя такое лицо, будто ты кого-то хороишь. Так что тебе не нравится?

Да мне все не нравилось! Но я опять струсила. В тысячный

раз. Перепугалась и принялась оправдываться:

- Да ничего подобного. Просто надоело тут торчать под окнами. Охота, чтобы уж поскорее.

Запевалова хотела еще что-то мне сказать, но тут подал голос Марат Айрамов:

- Ребята, я не могу больше ждать. На секцию опаздываю. Женька, правда! Меня тренер убьет, если я не приду. У нас же на той неделе соревнования...

Запевалова отошла от меня и медленно приблизилась к Айрамову, глядя на него в упор.

- Хочешь чистеньким остаться? А, может, Зверька жалко стало?

- Да ты что, Женька? Нет, конечно.

- Тогда сиди и не дергайся. Никуда твоя секция не денется. Ну а если тебе все-таки жалко Волкову, чеши отсюда. Ну, так что?

- Я остаюсь, - буркнул Марат.

- Вот и чудненько.

Запевалова улыбнулась. Не по-доброму, не примирительно, а самодовольно – мол, пусть маленький, но триумф. Терпеть не могу эту ее улыбочку. Мне кажется, больше всего ей нравится подавлять чужую личность.

Айрамов расслабился и на часы больше не смотрел. Понятное дело – что бы с ним ни сделал тренер за прогул, это будет мелочь по сравнению с тем, как бы его наказал класс с подачи Запеваловой, уйди он на свою тренировку.

У нас ведь как: того, кто не участвует со всем классом в бойкоте или травле, ожидает не менее жестокая расправа. Хотя, казалось бы, вот он, Айрамов, самый высокий, самый сильный парень в классе – первый юношеский по боксу, и боится Запевалову. Что уж с меня взять? Поэтому я сделала вид, что тоже жду - не дождусь, как бы поскорее разделаться с Волковой.

Да и на самом деле, это затянувшееся ожидание совсем меня вымотало. Запевалова уже собралась было отправить кого-нибудь на разведку в школу, узнать, где там наша жертва застряла.

Однако мы недооценили Волкову. Даром что новенькая – уже успела где-то прознать, что существует еще один выход, через столовую. Мы бы о нем даже не вспомнили. Дверь там всегда заперта, и открывают ее, только когда завозят продукты. К тому же это с торца школы, так что ни с центрального, ни с заднего входа это место не просматривается.

Волкова, видимо, уговорила поваров, чтобы они ее выпустили. Так бы она незамеченной и скрылась, а мы бы караулили впустую неизвестно, сколько времени, если бы не Сова. То есть Наташка Шошина. Она у нас круглая отличница – прямо ходячая википедия. Сама носит уродливые старушечьи очки в широкой оправе с толстенькими линзами, отчего ее глаза кажутся чудовищно огромными и выпученными. Потому ее и прозвали Совой.

В общем, подбежала к нам Шошина, красная, взбудора-

женная, глаза за очками – бешеные. Дыхание сбилось, что в первый момент даже сказать толком ничего не могла, только рукой махала.

Оказалось, Сова помчалась к нам сообщить, что Умрихин расхолаживает коллектив. А именно заявил, что не хочет торчать, как дурак, и ждать Зверька. А некоторые ему даже поддакнули. Сова решила поскорее доложить Запеваловой, и в тот самый момент, когда она неслась к нам и огибала школу, отворилась дверь столовой, и оттуда выскользнула новенькая.

Нас как ветром сдуло. Запевалова велела пацанам догнать Волкову, те рванули со всех ног. К тому же она посулила, что тому, кто первый ее поймает, даст списать всю домашку. Мы с девчонками тоже поспешили следом. Но Волкова со страху неслась, как хороший спринтер.

Она уже успела свернуть на свою улицу, но там ее все-таки настиг долговязый Зубков. Схватил за волосы, она пробовала вырваться, даже царапалась, но уже подлетели остальные пацаны. А вскоре и мы туда подоспели.

Волкову оттеснили в проход между сараями, чтобы никакие взрослые нас не засекли и не вмешались. Ее крепко держали под руки Зубков и Айрамов. Сначала она яростно сопротивлялась и выкручивалась, но потом, когда к ней подошла Запевалова, притихла.

Женька прищурилась, пыталась пронять взглядом – ее любимый приемчик, но Волкова смотрела себе под ноги,

не поднимая глаз. Тогда Запевалова сказала:

- Сбежать хотела втихаря? Что молчишь? Язык от страха проглотила? Ну, молчи, молчи. На этот раз одним испугом не отделаешься.

Не дождавшись ответа Волковой, Женька обернулась к нам и хохотнула:

- Одного не пойму, как она рассчитывала завтра в школу явиться, если бы даже удалось сбежать?

- А я и не собираюсь больше ходить в вашу проклятую школу! Никогда! – вскинулась Волкова.

- Пасть заткни! Хотя... это правильное решение, вот только немного запоздалое. Тебе давно надо было свалить от нас. Жаль, что ты так подзадержалась. Доперла бы раньше – и шкурку бы свою спасла, и нам бы лишних неприятностей не доставила. А так, извиняй, придется тебя наказать. Ну, ничего, зато помнить нас будешь вечно.

- Ррр! – прямо в ухо новенькой со всей мочи рыкнул Зубков.

Та вздрогнула и поморщилась, и мы захохотали. Потом она воскликнула:

- Что вам от меня надо?

- Крови.

Понятно, что Женька пошутила, но у нее при этом был такой видок! Совсем как у одержимой. И что странно, она вовсе не злилась, не исходила ненавистью, а вообще, по-мо-

ему, веселилась, словно этот суд был для нее забавой.

- В общем, так, Волкова, в народе – Зверек. Ты сделала нам много пакостей, а, главное, ты нам мешаешь жить, и за это тебе придется ответить.

Запевалова высмотрела за нашими спинами Элю Смирнову и объявила:

- Первой ударить Зверька должна Смирнова.

Эля чуть слышно ахнула и залилась краской. Мы расступились, пропуская ее вперед.

- Чего трясешься? Подойди и врежь ей, - подначивала Женька.

Та и вправду дрожала. Дважды замахивалась, но так и не сумела ударить.

- Ну, Смирнова, давай смелее. А то привыкла вечно в сторонке оставаться.

Смирнова, не глядя на Волкову, едва ткнула кулаком ей в плечо.

- Ну-у, ты ей руку, наверное, сломала! Размазня. Пинай ее. Тебе сказано, пинай! Если не хочешь оказаться на ее месте.

Смирнова подчинилась. Пнула по голени раз, другой.

- Сильнее! А теперь каждый должен врезать гадине! Бейте в живот! А вот личико нашей красотке старайтесь не попортить. И не вздумайте снимать на телефон! Ясно, Зубков?

Остальных уговаривать не пришлось. Девчонки и пацаны бойко накинулись на Волкову, молотя руками. И я пару раз стукнула ее, потому что Запевалова поглядывала на меня,

как показалось, с подозрением. Потом Волкова упала, и на нее обрушились пинки. Правда, пинали уже не все.

Когда, наконец, остановились, к ней, измученной и растрепанной, снова подошла Запевалова. Видимо, двинуть какую-нибудь поучительную речь хотела – вполне в ее духе. Но Волкова словно обезумела – неожиданно вскочила и с размаху влепила Женьке пощечину. На лице у Запеваловой остался грязный след.

В первый миг Запевалова даже опешила от удивления, но быстро взяла себя в руки. С абсолютным спокойствием и невозмутимостью, она двинула локтем новенькой в солнечное сплетение. Та задохнулась, согнулась пополам, из глаз брызнули слезы. Когда она выпрямилась и перевела дух, Запевалова повторила удар, затем еще раз и еще. Волкову опять держали за руки, так что она не могла ни защититься, ни прикрыться. Раз за разом бедняга сгибалась, судорожно хватая воздух ртом. Это было слишком.

Я отвела глаза и старалась не смотреть, желая только одного – чтобы эта экзекуция поскорее закончилась. Но Запеваловой и этого было мало. По ее приказу Зубков и Айрамов повалили Волкову прямо в грязь лицом. Зубков отломил от куста длинный прут, задрал подол платья и стал стегать ее по задку. Через тонкие капронки просвечивали стринги. Многие девчонки от такого зрелища смутились, пацаны, наоборот, наблюдали эту сцену с неприкрытым любопытством.

Волкова пыталась подняться, но Айрамов не давал, при-

жимая ботинком к земле. Я отвернулась. Запевалова тут как тут:

- Смотрите, смотрите, что будет с теми, кто против класса попрет.

Волкову так и оставили лежать ничком в грязи, избитую и униженную.

- Кто ее поймал первый? – спросила Запевалова.

Она шла довольная, что еще раз подтвердило мою догадку – унижить или помучить человека ей в радость.

- Я, - гаркнул Зубков гордо.

- Красавчик! Вечером скину тебе домашку по электронке. Что там у нас на завтра – алгебра и физика?

- Мне еще по биологии сказали презентацию сделать, - не растерялся Зубков.

- Ну ты и борзый! Ладно. Эй, Умрихин, сделаешь Зубкову презентацию.

- А что сразу я? – возмутился Умрихин.

- Ну-ка, кто за то, чтобы Умрихин сделал биологию за Зубкова?

Все, понятно, были «за».

- Вот видишь, Умрихин. Весь класс считает, что это должен сделать ты. Или ты против всех?

Умрихин не нашелся, что ответить, только глазами хлопал. Однако почувствовал, что вот-вот может стать очередным изгоем.

- Да сделаю я. Чего сразу против?

- То-то, - поучительно сказала Запевалова, и все захохотали.

Когда нас осталось пятеро, Бородин вдруг спросил:

- Женька, а тебе не кажется, что мы на этот раз перегнули палку?

- Что ты имеешь в виду? – сразу же окрысилась Запевалова.

- Мне кажется, что мы с ней поступили чересчур жестоко. Особенно в конце...

- Ты что, пожалел Зверька?

- Да не в Зверьке дело и не в жалости!

- А в чем же?

- В нас. Просто на этот раз мы зашли слишком далеко. Ладно, мы полдня гнобили ее, потом гнали, но зачем было... топтать в грязи и стегать кнутом. Нехорошо это...

- Если ты такой правильный, что же ты вместе со всеми гнал Зверька, а потом и бил? Отказался бы сразу, с самого начала. Я ведь спрашивала. Что ты теперь из себя порядочного корчишь? Сказал «а», говори «б». А половинчатых и малодушных я вообще презираю больше всего.

- Никакой я не половинчатый и не малодушный, - Бородин начал говорить взволновано, - но считаю, что всему должен быть предел! А то, что произошло сегодня...

Он вдруг осекся. Чтобы его поддержать, встряла и я:

- Да, мы слишком погорячились с Волковой.

- Еще ты туда же! А я считаю, что мы поступили так, как

она заслуживает, - Запевалова чеканила каждое слово, - а если вы – против...

Женька не договорила, но и необязательно было договаривать. По ее взгляду и тону и так все яснее ясного.

Вот я – наивная, думала, что раз уж Бородин, наконец, взбрыкнул, то он продолжит отстаивать свою точку зрения, но он умолк. Причем, с таким лицом, будто вдруг застеснялся своего выпада. В одиночку я тоже не решилась спорить дальше. Зато Женька не собиралась спускать все на тормозах:

- Нет, нет. Что ж вы замолчали? Давайте, выкладывайте, что там вы еще надумали. Я так понимаю, у нас бунт на корабле. Уж от кого, от кого, а от своих друзей я такого предательства не ожидала.

У меня все внутри похолодело от слова «предательство», но Бородин нашелся, что сказать:

- Да никакой не бунт. Не придумывай. Плевать нам на Зверьку, если ты об этом. Просто то, что сегодня мы сделали... Короче, нам за это по шапке прилетит, если кто узнает.

- А-а, за шкурку свою трясетесь, - усмехнулась Запевалова, хотя было видно, что такой поворот ей по душе. – Успокойтесь. Ничего нам не будет. Зверек никому не расскажет, а если и расскажет, никто ей не поверит.

Дома я не могла маме в глаза смотреть. Если бы она только знала, в какой мерзости я сегодня участвовала! Было так

стыдно. Старалась гнать мысли, отвлечься, но перед глазами все время стояла картина: в грязи распластанная Волкова с задранном подолом, Зубков, стегающий ее прутом, наши пацаны, их жадные взгляды и гадкие улыбки...

Такое ощущение, что не Волкову вывалили в грязи, а меня. И никак не отмыться...

13. Дима

Замутили мы вечеринку у одноклассницы, Наташки Ветровой. Повод самый что ни на есть уважительный – день рождения. Наташкины родители проявили необыкновенный такт и ушли с ночевкой.

Народу набрело – полная хата. Куда ни загляни, везде слонялись какие-то физиономии. И вроде звала именинница только наших, и то не всех, а очень избирательно. Но кто-то привел еще кого-то, те прицепом третьих, вовсе левых, притащили. В общем, получилось, как в сетевом маркетинге, только без бонусов.

Я тоже пришел не один, взял с собой Костю Бахметьева. Тот на днях расстался со своей подружкой и искал, на кого бы переключиться. Впрочем, я хозяйку сразу предупредил, что приду не один и та, узнав, что не один – значит, с другом, дала согласие.

Среди тех, кто прибился не пойми как, оказался и Вадик Самусевич из 11 «А» – сын директора школы, Григория Николаевича. В народе его имя-отчество ужали до лаконичного «Грин».

Этот самый Грин показал себя хорошей сволочью. Стриг бабки с родителей за все подряд. Те, кто платил больше других и непосредственно ему в карман, получали гарантированный профит в виде халявных пятерок для любимых чад.

Был даже шумный инцидент по этому поводу: бывшая биологичка отказалась ставить директорскому протеже незаслуженную пятерку в четверти. Грин пробовал ее нагнуть – пугал чем там обычно учителей пугают. Не сработало. Даже, говорят, предлагал поделиться. Но она – ни в какую. В итоге выжил-таки принципиальную биологичку. А она, между прочим, была вполне себе нормальная тетка. Без заскоков, без истерик. И оценки ставила справедливо. Если б еще ве- ла не биологию, а что-нибудь поинтереснее, хотя бы ту же историю.

Что касается меня, то я у Грина всегда числился на плохом счету. В его личной «табели о рангах» мое место – одно из самых непочетных, среди тех, у кого и клочка шерсти не снимешь. Мамаша на все материальные запросы школы показывала фигу. Даже учебники выкупать приходилось бабке. А когда просили скинуться на ремонт класса, резонно отвечала: «Мне дома-то ремонт сделать не на что». Грин смотрел на нас, как на второй сорт или даже третий.

Плевать бы на его отношение – мне с ним не жить, вот только где какой замес и я там хоть боком засвечусь, то всех собак сразу вешали на меня. А если и нет, то все равно самый первый на подозрении.

Впрочем, таких «нелюбимчиков» было предостаточно. Не все же могли его щедро одаривать.

Естественно, этот Вадик при таких обстоятельствах был абсолютно лишний на вечеринке. К тому же, безотноситель-

но к своему папаше, он и сам по себе не внушал доверия. Изнеженный, самодовольный мажор, который все свои недостатки мог компенсировать только модными шмотками и кэшем.

Я засобирался домой – гулять в одной компании с сынком Грина не хотелось совершенно. И ушел бы. Но Ветрова повисла на локте и чуть в плач не кинулась: «Димасик, миленький, не уходи». От «Димасика» меня передернуло, но все же уступил – именинница как-никак.

Кстати, не один я, другие тоже косились на Самусевича настороженно, хоть он и старался изображать из себя «своего в доску». Водку хлебал как воду, заливая сверху темным пивом. Еще и жаловался, что не торкает. Потом вообще предложил курнуть «план», мол, с собой нет, но знает, где в любой час можно разжиться травкой. Никто, само собой, на его провокацию не повелся. Слушали его идиотский треп молча.

Тогда, видать, мажорик решил, что вписаться ему мешают родственные связи. А раз мешают, то ну их. И принялся критиковать собственного папашку. Правильно он мне сразу не понравился. Урод он и есть урод. Меня мать вон как бесит, аж из дома свинтил. Вспоминать ее противно. Но трубить о ней гадости в жизни бы не стал. Даже если эти гадости – чистая правда. И другим бы тоже не позволил. А этот – ничего. Вылил на отца ведро какашек и остался доволен, что публике понравилось. Грина мне не жаль, так ему и надо. Просто сами по себе подобные вещи за пределами моего понимания.

Три раза я выходил курить, чтобы унять раздражение, а то прямо-таки подмывало пройтись по его физиономии легким движением руки. Потом подумал: «Да ну и черт с ним, пусть плетет, что хочет».

В общем, слушали мы, слушали о маленьких секретах большого Грина и не сразу заметили, что Вадик окосел. Видать, все-таки торкнуло. Ну а под этим делом он и вовсе понес полный бред. Понятно, что спьяну мало кто блещет умом и обаянием, но если безобидные глупости вполне себе терпимы и простительны, то немотивированная агрессия напрягает до невозможности.

Сначала его просто пытались заткнуть, и Вадик снова вспомнил папу, но уже в другом контексте – грозил папиными связями. Затем думали спровадить – не удалось. Покидать сцену ему не хотелось. Честное слово, такого упоротого проще убить и вынести, чем убедить и вывести. Тогда мы с Костей аккуратно приложили Вадика, без особого ущерба, только чтоб уснул. Туловище закинули на кровать в дальней комнате – родительской спальне, а дверь закрыли. Но не учли, вернее, не заметили – темно было – что на той же кровати уже успела устроиться какая-то девчонка. Ее развезло еще раньше, вот она, видимо, и решила прикорнуть в тишине.

Кто ж знал, что мелкая оплошность обернется катастрофой.

14. Дима

Что и как было в точности – неизвестно. Но если без конкретики, то предположить можно примерно следующее: Самусевич пару часов спустя оклемался, смотрит, под боком – девушка. Пьяная. Спит. Инстинкты, гормоны, хмельной задор взяли верх. Хоть там и брать-то было не над чем – Вадик по своей натуре та еще скотина.

Но спящая красавица, видать, в самый ответственный момент вдруг тоже очухалась. И происходящее ей не понравилось, потому что она двинула Самусевича какой-то ерундовой в виде жирного китайца в позе лотоса. Китаец до этого момента стоял на тумбочке у кровати – привлекал не то деньги, не то удачу. Этот фетиш, между прочим, был из камня и весил килограмма три навскидку. Так что, забегая вперед, скажу, что всем нам и, прежде всего, Вадику еще крупно повезло, что девчонка всего лишь его вырубилла, потому что запросто могла бы и совсем прибить.

Тем временем у нас тоже драмкомедия развернулась. Пока ели, пили, болтали – все было в ажуре. Потом Ветрова объявила, что хочет танцевать. Общество ее поддержало. Выключили свет, врубили клубняк. Мы же с Костей вышли в подъезд покурить.

- Че-то как-то не айс, - изрек Костя. - Скучно. И девки все какие-то стремные. Не, вообще-то одна ничего такая. Чер-

ненькая, с хвостиком. Оля, кажется. Как она тебе? Ты ее знаешь? Из вашей школы?

Ответить я не успел. На площадку высунулась именинница.

- А вы чего здесь?

- Курим.

Костя выпустил сизые кольца.

- Курить вредно, - изрекла она.

Костя оставил эту «новость» без ответа и невежливо повернулся к Ветровой спиной.

- Так она из вашей школы? – переспросил он про черненькую Олю так, будто Наташка уже ушла или вообще не приходила.

- Из нашей.

- Слушай, ты же танцевать хотела, - это я уже Наташке, потому что не могу так – она встала столбом и покидать нас даже не думала.

- Дим, мне поговорить с тобой надо. Костя, ты ведь Костя? Дай нам с Димой поговорить. Пожалуйста.

Приплыли! Этого еще мне не хватало. Костя ухмыльнулся, забычковал сигарету, сплюнул и вальяжно удалился, кинув напоследок многозначительный взгляд.

- Хам, - пошутил я, как бы извиняясь за друга.

Пауза.

- Спасибо, что пришел.

Я пожал плечами.

- Не за что. Спасибо, что пригласила.

Опять пауза. Еще дольше.

- Дим...

Наташка снова замолчала. Но я уже и так понял, что она пыталась из себя выдавить. Вот только чего мне точно не надо – так это розовых соплей и любовных вздыханий девочки-припевочки. Хотел сказать что-нибудь отрезвляющее и не очень оскорбительное, но не подобрал слов.

Зато на ум пришла сцена из Евгения Онегина – ходили недавно с классом в театр. Опера мне не понравилась. Татьяна была в годах и вообще толстая. Онегин – тоже с брюшком и вдобавок лысый. Пели они громко, но слов не разобрать. Двигались нелепо. В общем, цирк, а не театр. Вспомнилась опера некстати – я издал смешок, а Ветрова приняла это на свой счет. Обиделась. Ушла.

Пока думал, так оставить или объясниться – все-таки Наташка пусть и дура, и абсолютно не в моем вкусе, но человек хороший – из квартиры вынырнула та самая Оля, которую успел заценить Костик.

- Привет, - сказала она. – В одной школе учимся, а как следует не познакомились.

Оля заговорила нараспев и зачем-то встала полубоком, поглядывая искоса. Наверное, ей сказали, что в таком ракурсе она привлекательнее смотрится. Меня опять потянуло на смешок, но удержался. В конце концов, эта Оля хотя бы симпатичная и фигурка у нее, если не придирааться – на пяте-

рочку.

- Исправим недоразумение? – волей-неволей подхватил ее игривый тон.

- Давно пора. Холодно тут, - она поежилась.

- Согреть?

Я приобнял ее за плечи.

Она прильнула. Момент был волнующий. Но дверь снова распахнулась – опять Ветрова. Правда, увидев нас, она тотчас скрылась. Но настрой уже испарился. Наверное, Оля почувствовала то же самое, потому что деликатно отстранилась.

- Кстати, ты в курсе, подруга моя, - Оля кивнула в сторону двери, - запала на тебя?

Начинается...

- Это Ветрова что ли, подслала тебя поговорить со мной?

- Еще чего! – она надулась.

А вот здесь-то что обидного? Но я все равно примирительно сказал:

- Ты тоже моему другу понравилась.

- Тому амбалу, который с тобой пришел?

- Угу.

Думал, ей приятно будет, да и Косте мог бы задачу упростить, но Оля фыркнула. Это могло означать, что угодно от «ну и пусть, тоже мне новость» до «ну уж нет, твой друг – полный отстой». Но в любом случае – ничего хорошего для Бахметьева. Костян и правда за последний год резко выма-

хал и раздался вширь, но я всегда считал это плюсом.

- Зря ты. Нормальный он...

Она уставилась так, что пиарить Костю расхотелось.

- Ну, ты и придурок.

Оля дернулась и ушла. Ну, вот из-за чего она психанула?

Да, с девчонками в тот вечер у меня определенно не заладилось.

15. Дима

Я вернулся в квартиру. Хотел позвать Бахметьева домой – давно было пора. Но не успел. На кухне началась какая-то заварушка. Наташка Ветрова ругалась с Олей. Или Оля с Ветровой. В общем, они обе друг другу наговорили «комплиментов», а потом еще и сцепились. «На самом интересном месте» Костик положил конец зрелищу, разочаровав публику. С изяществом слона в известной лавке он вклинился между ними, по пути опрокинув стол, и развел бывших подружек.

- Да пусть бы помахались, - возмутился Петюня (тоже из нашего класса), убирая мобильник в карман.

Вот народ пошел! Целое поколение сам себе режиссеров. Недавно тоже был свидетелем: загорелся магазин. Люди оттуда выбежали с воплями. Суета, крики. Стекла полопались, дым из окон валит. Какая-то женщина, может, в панике, может, что-то ей помешало, но, в общем, осталась внутри. Металась, орала истошно.

Здание тут же облепила толпа любопытных. Тетки, мужики, молодежь, пацанята – все стоят, разинув рты. И ладно бы просто смотрели, а то ведь почти каждый достал телефон и снимал. И у всех на лицах застыло одинаковое выражение: «Ух, ты! Вот это кадры! Кому покажу потом - офигеют».

Нет, я, конечно, тоже не герой – в огонь за ней не кинулся, тем более там пожарные примчались и без меня прекрасно

справились, но, черт побери, со стороны это любопытство выглядело мерзко. Так что Петюне я пожелал заткнуться и не отвечивать.

Только вроде страсти поутихли, как из дальней комнаты, где мы заперли Самусевича, раздался оглушительный вопль. Открываем дверь – на кровати раскинулся Вадик, причем без чувств, без штанов и с окровавленной башкой. Рядом с ним сидит девчонка и ревет. Мы и сами обомлели.

Не успели опомниться, как в дверь, во входную, отчаянно заколотили. Доблестная полиция приехала на вызов – соседи подсустились, мол, шумно было чересчур. И завертелось... Нас всех упаковали и закрыли в аквариум. Кроме Вадика, того – в больницу.

Примчался Грин. Рвал и метал и был страшнее любого полицейского. Вызвали родителей. Через час всех разобрали. Остался я один, потому что дал им телефон матери, а она могла вообще не ответить или же отправить по конкретному адресу. Но не бабкин же телефон было давать, она и так чуть что – сразу за капли. Тем более утром меня все равно отпустили.

С преспокойной совестью наплел бабке, что заночевал у Костика, а поскольку такое случалось не раз, она поверила и успокоилась. Однако напрасно я думал, что все обошлось. Грин допросил «участников» мероприятия. И, в итоге, во всем виноват оказался я. Ведь это же я запер его паршивого сына. Костя не в счет – он не из нашей школы. Меня же

затаскали по всяким учительским сходкам. Звали и мать присутствовать, класснуха даже лично домой ездила – не в курсе была, что я к бабке перебрался.

Мать по своему обыкновению ее послала. Класснуха – хватило же ума – объявила это прямо на уроке. Подтекст я уловил прекрасно – ей хотелось, чтобы мне стало стыдно. Но стыд – это не про меня. Такое же лишнее, бесполезное чувство, что и страх. Допустим, лажанулся ты. Ну и зачем себя изводить? После драки кулаками, сами знаете... А наперед – так и вовсе бессмысленно. Живи, не напрягайся, что было – то было, что будет – то будет. Головой только думай.

Я вот все эти ненужные эмоции, которые мешают нормальному самочувствию, вообще вытравил. Приучил себя не реагировать, и так намного комфортнее, между прочим, живется.

Короче, обманулась педагогиня в расчетах. Более того, пока она рассказывала, я представил себе веселенькую картинку – заплеванная лестница, облупленная дверь, мать, вся расхристанная, пьяная или с похмелья. Ей охота или пить, или спать. А тут пришла эта цаца – сомневаюсь, что мать ее хотя бы вспомнила – и грузит всякой дребеденью, а то еще нотации читает. Плюс, все недоброжелательные послы в мою сторону мать без разбору воспринимает резко в штыки.

Так что можно представить, какой бранью она разошлась и как вытянулось лицо у нашей чопорной класснухи. И я

засмеялся. Не назло, как потом возмущалась она. Мне действительно стало смешно.

Но до бабки они все-таки добрались. Кто-то из одноклассников проболтался. Ее вызвали к педсовету – финальному аккорду всей этой эпопеи, и уже через полчаса она была тут как тут. Всё вышло ужасно. Во-первых, наплели ей черт знает что. Двойки, прогулы, плохое поведение и бла-бла-бла. Но это ладно, можно сказать, не соврали, а преувеличили. Самое главное – переврали всё про ту злополучную вечеринку.

Я-то еще недоумевал, с чего такой сыр-бор, будто полшколы взорвал, причем умышленно. А, оказалось, той девчонки, которую Вадик лапал, «в помине не было». Бедняга забрел на огонек чисто случайно, а я злонамеренно споил его, удерживал силой и затем избил. Якобы намстил таким образом директору. И эту чушь подтвердили пятеро человек, в том числе Оля, Петюня и Ветрова.

Кто не подтвердил, того, видимо, не пригласили на разборки. Как и учителей, с которыми у меня всё сложилось. Историка, физика, физрука и даже литераторши – их не было. Зато присутствовали: математичка, которую близко к школе подпускать нельзя, злобная англичанка – с ней я еще с четвертого класса в контрах, химик – тот вообще неадекват, ему в дурку прямая дорожка.

Во-вторых, бабка меня просто убивала своей реакцией. Она, по жизни невозмутимая, как рептилия, здесь каялась, плакала, извинялась, искательно заглядывала в пороссячи

Гриновы глазки.

От такого наглого вранья и бабкиного неспортивного поведения я позволил себе изменить привычке не включаться в происходящее. И выступил с речью – мол, на какую публику рассчитан весь этот цирк? Все прекрасно знают, что случилось, ну, разве что кроме моей бабки. И не для них, для нее, разложил ход событий, как оно на самом деле было. Ну и не удержался от личных комментариев в адрес Грина и его отпрыска. Поднялся дикий гвалт. Классная кудахтала. Химик – говорю же – неадекват – хохотнул, потом устремился к окну и распахнул обе створки. А на дворе, между прочим, декабрь, минус двадцать. Англичанка шипела. Математичка тоже что-то высказывала на пределе эмоций, но всех заглушал Грин, который так раскипятился, что брызгал слюной и стучал по столу белым кулачком.

Спокойной в этом апофеозе педагогической драматургии осталась одна лишь бабуля, которая только и сделала, что изобразила фейспалм.

16. Дима

В общем, из школы меня погнали и с треском. Не то чтобы исключили, но сумели убедить, что лучше нам забрать документы и перевестись в другое заведение.

Была мысль: может, и правда взорвать эту чертову школу. Решил, ладно, пусть себе стоит. Зло я выместил на Петюне и еще двух ботанах, которые подписались под тем враньем. Петюня сперва ныл:

- Димон, я не хотел. Честно. Меня Грин припер. Выбора не было.

Тоже мне аргумент! Все так говорят, когда желают оправдать какую-нибудь гнусность. И я без малейших колебаний отметелил его в сливу.

- Ты – урод, - чуть позже орал Петюня, утирая кровь из разбитой сопатки. – Завтра же Грин всё узнает.

- И что он мне сделает? Второй раз выгонит из школы? Оле и Ветровой мстить не стал. Курицы – что с них взять. Вот и Костя сказал:

- Ты на них забей. Дуры они. Особенно эта, твоя одноклассница, которая к тебе липла. Оля – та хотя бы прикольная. Нет, правда, я бы с ней замутил.

Костя просто не знал, как она на него фыркнула. Хотя и знал бы, злиться на нее не стал – не такой он, да и толку? Их, это я уже о девчонках в целом, вообще не стоит прини-

мать всерьез. По крайней мере, пока не повзрослеют. Уж я-то знаю, о чем говорю.

Нет, с ними, вернее, с некоторыми из них, конечно, приятно иной раз время провести, оттянуться, расслабиться, но не более. Вообще, исходя из наблюдений и кое-какого личного опыта, я делю всех девчонок на две группы. Первая еще может представлять интерес в известном смысле. Сюда я причисляю более или менее привлекательных внешне и при этом раскованных.

Вторая группа куда как обширнее. Расписывать ее долго, но общее впечатление такое: бледно, занудно, тоскливо. С Костиной подачи мы их зовем «салатницами». Они, эти девочки из группы Б, даже бывают порой вполне симпатичны на мордашку, но от них несет такой скукой, что смотреть не хочется. Их, фальшиво-правильных, что с макушкой потонули в собственных комплексах и в четырнадцать-пятнадцать лет продолжают жить (и даже думать!) по родительско-учительской указке, часто вообще не замечаешь, как всё серое и безликое. И такие скромняшки тоже, представьте, влюбляются. Они пишут записки без подписи, шлют смски с левых номеров, названивают и молчат. Вот что им надо? Думаете, интригуют, чтобы потом внезапно удивить? Ни черта подобного. Так и будут доставать анонимно. А если вдруг их перекроет, и они решат осчастливить тебя признанием, то... слов нет, какое это жалкое и смешное зрелище. И если с анонимами (или анонимками?) все просто и понятно – они хоть и

бесят, но умеренно. То эти отважившиеся тихони загоняют тебя буквально в угол. Охота встряхнуть такую, чтобы вся дурь вышла, и послать куда подальше. А потому что зачем они это делают? Что им надо от меня? И что они сами могут предложить? Максимум – унылый петтинг, что меня лет в тринадцать, может, и волновало, но не теперь. И вообще если меня какая-то девчонка заинтересует, я сам к ней подойду. А раз не подхожу, то мне этого и не надо.

С другой стороны, понимаешь, что в таких вещах лучше обходиться без резких слов. Не знаешь ведь, как там у нее с психикой. Вдруг ты ее пошлешь, а она из окна выпадет или еще что-нибудь подобное отчебучит. Помню, классе в седьмом одна девчонка обращала на меня внимание, причем назойливо. Над ней все смеялись и дразнили бегемотихой. Главным образом, из-за фамилии – звали ее Гугенотова Лиза – которую по созвучию преобразовали в Бегемотову, а там уж просто – в бегемотиху. Ну и малость полновата эта Лиза была. Сидеть бы ей тихо и на глаза лишний раз не попадаться, но нет. Она буквально по пятам за мной ходила.

Мало того, что достала до предела, так еще и пацаны принялись меня подкалывать – мол, вон твоя поклонница, л'амур тужур и всё в таком духе. Так вот, в какой-то момент меня это накалило, и я обсмеял ее так, чтобы она не то что преследования свои прекратила, а вообще шарахалась при моем появлении. А на другой день Лиза Гугенотова умерла.

И хотя это никакое не самоубийство, а чистой воды несчастный случай – ее машина сбила, я о-очень долго себя казнил. Да и сейчас, как вспомню, так чувствую себя препогано. Поэтому, чуть только заподозришь известные симптомы, надо сразу стараться развеять иллюзии, чтобы не доводить ситуацию до критического момента.

Другое дело – первая группа. На этих девочек волей-неволей обращаешь внимание. Замутить с такими – одно удовольствие. И легко, и приятно. Соображения, опять-таки, у большинства хватает не грузить тебя излишней откровенностью. Но и они не стоят серьезного отношения. Пусть красивые, пусть веселые, но, по большому счету, такие же дуры, только с капризами и раздутым самомнением. А лет через пять из них вырастают либо грелки, либо стервы.

Есть еще особи, пардон, особи, которые ни туда, ни сюда. Раскрепощены на грани фола, а на внешность – лучше вообще не смотреть. Но это уже неформат. Инкубы в женском облиции. Но и такими некоторые не брезгают.

Далеко не ходить – мой друг, Костя Бахметьев, тот к любой приветлив, если в данный момент свободен. И, в целом, он к девушкам более снисходителен и терпим. В прошлом году он целых три четверти проходил с одной. Ладно, была бы звезда, а то так себе, ниже среднего по всем параметрам. Еще и огорчался потом, когда разбежались. Сгоряча и мне столько всего наговорил... в общем, упрекнул в циничности. К счастью, эта дурь быстро прошла. Но как бы снова не напа-

ла. Костян какой-то заикленный. Вот проникся к этой Оле теперь и меня пытается, как ее склеить поудачнее. Пикапера нашел. Я понятия не имею – как, потому что вообще над такими вопросами никогда не заморачиваюсь.

- Димон, ну как с ней познакомиться-то? Может, ее после уроков подкараулить и пригласить куда-нибудь? Это нормально будет?

Вот она – заикленность.

- А тебе это зачем?

- Ну, как? Она же прикольная.

- И что с того? Много таких.

Здесь у нас взаимное непонимание. Косте, конечно, невдомек, что эта дура Оля считает его шреком, но даже если бы и не считала, к чему столько суеты и болтовни вокруг одной из.... хрен знает скольких тысяч. Но этого ему не объяснишь. Захожу с другой стороны:

- А ничего, что из-за этой Оли твоего друга из школы выпилили?

Костя смутился, поддакнул, что понимает, как мало приятного в таких переменах.

- А тебя в какую школу переведут?

- Не знаю. Бабка там с кем-то договаривается. Мне, если честно, теперь без разницы.

- Так переводись в нашу!

- Бабка ни за что не согласится.

- Почему?

- Потому что как с тобой свяжешься, так вечно встрянешь куда-нибудь.

Костян, конечно, понял, что я просто бабкины слова повторил, но все равно насупил физиономию.

- Ладно, порулил я. Лови.

Скинул ему Олины контакты, хоть изначально не собирался. Думал, обрадуется, а он пристал:

- Откуда у тебя Олин номер?

- Она сама дала.

И пошло-поехало: когда, где, при каких обстоятельствах. Еле отвязался.

А дома, вечером, бабка сообщила, что договорилась со школой и уже документы отнесла.

17. Таня

Бывает, что дни, недели, а то и месяцы проходят, и ровным счетом ничего не случается. Даже скучно становится. А бывает, что события накручиваются, прямо как снежный ком. Вот так вышло и у нас. До самых зимних каникул были сплошные потрясения. Одно за другим.

Случай с Кристиной Волковой был лишь началом целой череды событий. После того, как мы над ней устроили расправу, она и правда перестала ходить в школу. Только через неделю или даже больше Майя вдруг о ней вспомнила, и то, наверное, потому что первая четверть заканчивалась и надо было оценки выставлять. Спросила, знает ли кто, почему она опять занятия пропускает. Мы пожали плечами. Я сразу напрыглась – ну как всплывет истинная причина ее прогулов?

Спустя несколько дней все и выяснилось. Майя ворвалась к нам в класс прямо во время физики.

- Вы... вы..., - только и повторяла она.

Физик даже спросил Майю, все ли с ней в порядке. Она еще с полминуты постояла, испепеляя нас взглядом, а потом вполне спокойно кивнула ему, мол, всё в норме, ну а нам сообщила, что после уроков состоится внеплановый классный час, где надо обсудить кое-какой важный вопрос. У меня сразу душа в пятки упала.

После урока допросили Элю Смирнову, и мои худшие

опасения подтвердились: Майя неоднократно бегала к Волковой, пока, наконец, не застала их с матерью дома. Видимо, принялась ее отчитывать, а та взяла и выдала всё на-гора. У Майи самой, по Элиным словам, чуть удар не приключился. Стала дочь допытывать, но та держалась молодцом и класс не сдала. Запевалова похвалила Смирнову и преспокойно продолжила:

- Значит, так. Мы ни сном, ни духом, что там Волкова наплела Пчеле. Свято верим, что Зверек болеет. А если Майя вдруг начнет нам что-то предъявлять, прикидываемся оскорбленными, недоумеваем, возмущаемся. Всем ясно? Ее слово – против нашего, так что никто ничего не докажет. И еще. Бойкот Зверьку никто не отменял, но при Майе мы ее не игнорируем. А ты, Зубков, кривляться любишь, вот и изобрази заботу о больной однокласснице. Спроси ее, как здоровье. Только не перестарайся.

Зубков сразу же соорудил такую благочестивую мину, что мы все покатались со смеху.

Тут к нам снова подлетела Майя:

- Что? Веселитесь? Ну-ну...

И умчалась.

Зубков передразнил ее, но больше уже никто не смеялся. Как бы Запевалова нас ни убеждала, что бояться нечего, многие, и я в том числе, заметно нервничали.

На классный час Кристина Волкова пришла со своей матерью. Мать что-то нашептывала, а Кристина отворачивалась и вообще, как будто сторонилась ее. Понять можно – с первого взгляда видно, что Волкова-старшая давно спилась.

Майя пересаживала Элю Смирнову к Зубкову, а за освободившуюся парту пригласила сесть Волковых. Эдик Лопырев, как только они уселись, зажал нос и повернулся к нам – мол, завоняло, дышать невозможно.

Все были на месте, но Майя не начинала. Как оказалось, она приготовила нам сюрприз – позвала на классный час директрису. Та задержалась минут на десять, зато появилась очень эффектно.

Во-первых, неожиданно – такого поворота, как присутствие на разбирательстве Анны Карловны, никто из нас и предположить не мог.

Во вторых, умеет ведь она держаться и производить на всех впечатление одним своим видом! Хоть и в возрасте уже. И здесь вошла важно, по-царски, оглядела нас сверху вниз. Мы тут же смолкли и вытянулись в струнку. Я так вообще окаменела от ужаса. Я ее и без всяких грешков всегда боялась панически, а теперь, чувствуя вину, и вовсе едва в обморок не падала.

Прошлым летом, помню, смотрела старый русский фильм, «Бронзовая птица» называется. Там показывали старуху – графиню – точь-в-точь наша Анна Карловна, только та хоть жабо носила для красоты и прическу делала понаряд-

нее. Но все равно похожи – просто жуть, я даже вздрогнула, когда впервые увидела ее в кадре.

Появление директрисы ничего хорошего не сулило. Вообще-то Майя прежде сама избегала директрису и то, что на этот раз она ее позвала, означало одно – дела наши очень плохи. Видать, не только мне пришла такая мысль, потому что все заметно упали духом.

Бородин опустил голову низко-низко. Айрамов стал крутить ручку, сломал, взялся за карандаш. Корчагина убрала руки под парту – спрятала гелевый маникюр. Зубков почти сполз под стол, Лопырев тоже как-то вжался. Оля Лукьянчикова уставилась на Женьку – мол, что делать?

Но и Запевалова, похоже, подрастратила былую уверенность. Она сжала пальцы в кулаки так, что костяшки побелели, значит, тоже была напряжена, хотя и изобразила на лице полную бесстрастность. Даже в глаза смотреть не побоялась.

Классный час вела директриса, а Майя сидела в сторонке, наблюдала и явно злорадствовала, глядя, как мы затрепетали.

- Случилось ЧП. Чудовищное по своей мерзости происшествие. Ваша одноклассница рассказала нам, каким издевательствам вы ее подвергли. Имейте в виду, дело это очень серьезное и, боюсь, для многих из вас будет иметь весьма плачевные последствия. Да-да, а вы как думали? То, что вы совершили – это самое настоящее преступление. Жестокое, циничное и, между прочим, уголовно-наказуемое преступ-

ление. Вы у нас уже не маленькие дети, так что за свой омерзительный поступок вам придется ответить. И я уж позабочусь об этом. А сейчас каждый возьмет бумагу и ручку и напишет объяснительную. Затем будем разбираться дальше.

- Какую такую объяснительную? – пролепетал Зубков. – Что писать?

- В объяснительной вы изложите, что вы сделали, почему, кто был инициатором этой низости, и кто конкретно принимал участие.

- Извините, Анна Карловна, - поднялась Запевалова, - но мы как-то не совсем понимаем, о чем вообще речь?

- О том, как вы измывались над Волковой, как били и унижали ее, - с горячностью ответила Майя.

- Кто вам такое сказал? – Запевалова сыграла настоящее изумление. - Никто ее и пальцем не трогал!

- Ну, да, ну, да, - с ехидцей начала было Майя, но Запевалова ее перебила.

- Да! Мы, конечно, не воспылали к ней любовью. Но она сама виновата. Мы ее и видели-то полтора раза. Она же почти все время отсутствовала. Я вот, например, вообще забыла, что такая у нас учится. Где тут справедливость? Она прогуливает школу, придумывает какие-то нелепые отговорки, то она болела, то ее били, а мы теперь должны объяснительную писать, отвечать за какое-то выдуманное преступление.

Говорю вам, никто ее не бил, не унижал, вообще не трогал.

- Не трогали мы ее! – наши тут же воспряли.

- Точно, - подал голос осмелевший Лопырев, - пусть теперь и врач тоже пишет объяснительную, чего это она болела, а справку не принесла. Так, что ли?

Лопырев хихикнул собственной шутке, но тотчас заткнулся и опять сник, потому что директриса буквально пригвоздила его своим фирменным взглядом. Но Запевалову, раз уж она пошла в разнос, так просто с пути не собьешь.

- Это она вам сказала, что мы ей что-то делали? – с самым что ни на есть искренним негодованием спросила Женька. – Майя Вячеславовна, а почему вы ей безоговорочно верите?

- Что ты этим хочешь сказать, Запевалова?

- Только то, что, не проверив ее слова, вы обвиняете целый класс в каких-то диких злодеяниях. Если бы над ней действительно кто-то из нас или даже все мы, как она говорит, издевались, почему она сразу об этом не рассказала? Не сняла побои? Эти побои вообще кто-нибудь видел? Почему только сейчас, когда всплыло, что она прогуливала, Волкова вдруг вспомнила, что ее, оказывается, били. Может, потому что отмазка с болезнью больше не прокатит? А в уголовном кодексе, между прочим, есть еще и другая статья – сто двадцать девятая, за клевету.

Да уж, уголовным кодексом Запевалову не запугаешь. Она в нем разбирается не хуже юриста – отец, наверное, поднатаскал.

- Да, - осмелел Зубков и обратился к матери Волковой, - Вы бы лучше у своей дочери спросили, где она шаталась все это время.

- Да что они такое говорят? – ахнула ее мать, озираясь то на директрису, то на Майю.

Но Зубков уже и сам понял, что сболтнул лишнего, испуганно потупился и почти до подбородка уполз под парту. Директриса так на него посмотрела, что я бы не удивилась, если бы он вдруг начал заикаться от ее взгляда.

- Встань, - скомандовала она.

Зубков тяжело и нехотя вылез из-за парты.

- Иди в мой кабинет. Секретарю скажешь, что я тебя отпустила. Подождешь там, а я потом лично с тобой побеседую.

Когда он вышел, директриса переключилась на Женьку:

- Так, значит, ты, Запевалова, утверждаешь, что вы здесь абсолютно ни при чем?

- Абсолютно, - невозмутимо ответила Женька.

- И новую одноклассницу никто из вас ни разу не обижал?

- Ни разу!

Вот у нее выдержка!

- А ты что на это скажешь? – Анна Карловна внезапно повернулась к Волковой.

Та, вместо ответа, неожиданно разревелась.

- Выведите дочь и успокойте, - сухо, без тени сочувствия обратилась она к матери Кристины.

- Я выслушала тебя, Запевалова, и буду разбираться дальше. А сейчас вы, тем не менее, напишите объяснительную во всех подробностях. У вас двадцать минут.

Я написала, что Волкову никто не бил и что она выдумала эту историю как отговорку. Примерно такие же объяснительные были у всех остальных. Мы сверились после классного часа. Кто-то посетовал насчет Зубкова, мол, как бы ни прокололся. Но Запевалова отмахнулась:

- Зубков – свой человек и прекрасно знает, что бывает у нас с предателями. Так что, я уверена, никого он не сдаст.

- Как ты думаешь, Женька, Карга нам поверила? – спросила Лукьянчикова, которая, как и я, весь классный час тряслась от страха.

- А то! Есть правило: сначала человек работает на авторитет, потом авторитет – на человека. Сама подумай, кому доверия больше: мне, примерной ученице из хорошей семьи, отличнице, активистке и тэ дэ, и тэ пэ или этой лохудре, которая уже раньше на прогулах и вранье попадалась и у которой вдобавок мать – алкашка?

И ведь Запевалова оказалась права! Зубков не раскололся. Ну а директриса решила, что эту историю целиком и полностью сочинила Волкова. По крайней мере, больше нас ни о чем не спрашивали, а матери Волковой предложили перевести дочь в другую школу.

18. Таня

Директриса-то поверила нам, а вот Майя – нет. То ли Эля все-таки проговорилась, то ли интуиция подсказала, но чувствовалось, как неприязненно она относится именно к Запеловой. Да и на остальных классная теперь взидала с прохладцей. Но Женьку особенно «выделяла». Даже по русскому и литературе за первую четверть снизила оценку на балл. Это ей-то, круглой отличнице! Ну и Женька, конечно, тоже в долгу не осталась. Расправившись с Волковой, приступила к осуществлению плана «Б» – избавлению от Майи.

И здесь ей тоже подфартило. Началось всё с ноябрьских каникул, а, точнее, с экскурсии в Тальцы, куда нас сопровождали Майя и Пал Палыч – наш физрук, попросту – Свисток.

Тальцы – это музей деревянного зодчества. Не в привычном смысле музей, где залы с экспонатами. Нет. Здесь целая деревня, старинная, конечно. Улицы, дворы, избы, бани, стайки, конюшни, какие – победнее, какие – побогаче. Даже крохотная церквушка и школа есть.

Причем, всё-всё настоящее, не муляж и не декорации. Не то чтобы на этом самом месте действительно когда-то стояла деревенька. Просто со всего края привезли сюда уцелевшие избы и прочие постройки. Ну и воссоздали облик настоящей русской деревни позапрошлого столетия.

Сохранилась утварь, всякие причиндалы, скатерти, по-

душки, занавесочки. И все так расставили, будто и сейчас в домах кто-то живет. Например, на столе в одной избе оставили огромную бутыль — даже не знаю, насколько литров, пузатую, с узким горлышком, таких сейчас не бывает, и жестяную кружку. В другой — на скамеечке лежала вышивка, будто хозяйка дома ненадолго вышла, скоро вернется и продолжит свое занятие. В общем, очень интересно и необычно! Честное слово, как будто в другое время попадаешь.

В церковь заглянуть не удалось — ее как раз на ремонт закрыли. Могу только сказать, что снаружи она даже отдаленно на церковь не походила. Низенькая, темная, бревенчатая, без куполов, только крест, деревянный, почерневший от времени, возвышался на остроугольной крыше.

Зато в школе обнаружилось много интересного. Вообще, это была пристройка к церкви, совсем крохотная, всего две комнатки и сени — по-нашему холл. В сенях стояла бочка с ковшиком. В одной комнате, что поменьше, жил учитель. Во второй, тоже, в общем-то, не слишком просторной, шли занятия. На стене висела изрядно потрепанная карта. Парты были черные, массивные и соединены с такими же скамейками. На партах стояли склянки с высохшими чернилами. Ну а на столе учителя красовался старый-престарый глобус.

Экскурсоводша сразу сказала, что на экспонаты можно только смотреть, а трогать категорически нельзя. Ее мы прозвали ключницей, потому что у нее на поясе на огромном металлическом кольце болталась гигантская связка ключей

– в этом музее каждый, даже самый маленький домик запирался на замок. Экскурсоводша буквально по пятам ходила за нами, как надзирательница, но потом, как раз когда мы были в школе, у нее зазвонил мобильник, и она вышла на улицу, оставив нас одних. Ну и конечно, мы всё перелопатили и даже поиграли немного. Расселись за парты, как на уроке. А Зубков изображал учителя, а, точнее, Майю, потому что потрясающе похоже копировал ее мимику и интонацию.

Мы хохотали как безумные, только Эле Смирновой было не до смеха. Она не любила, когда передразнивали ее мать, хотя ни разу не возмутилась. Эля ведь – тихоня.

Вернулась экскурсоводша и выгнала нас из школы. Тогда мы и хватились классной, но ни ее, ни Свистка нигде не было. Всей гурьбой отправились на их розыски. По новой заглядывали в каждый двор. Ключница едва за нами поспежала, нервничала, ругалась.

В конце концов, нашли мы их в небольшой рощице, сразу за церквушкой. Даже не рощице, а так... три березы. Майя сидела на бревне, подстелив, между прочим, куртку физрука. Свисток крутился рядом, потом вообще учудил – нарвал ветки рябины и преподнес их так, будто это букет из роз, не меньше. Она улыбалась вся такая довольная, и тут мы...

Майя смутилась, но Свисток, молодец, даже виду не подал. Усадил нас рядом с Майей, постелил на высохшую траву клеенку, из заплечной сумки выгрузил свертки с пирожками и бутербродами, помидоры, вареные яйца, термос с ча-

ем. Сам вместе с мальчишками пристроился на корточках напротив нас. Мы ели с таким аппетитом, словно нас трое суток голодом морили, и всё казалось невероятно вкусным.

Только Запевалова не притронулась к еде. И вид у нее был очень странный, не то довольный, не то зловещий, сложно сказать. Но мне сразу подумалось, уж не замышляет ли она опять какую-нибудь каверзу.

Эта мимолетная мысль немного подпортила впечатления, потому что сама экскурсия оказалась бесподобной! Да и погода порадовала, для ноября было на удивление тепло и солнечно. Ну и неожиданный пикничок, что для нас организовал Пал Палыч, добавил приятных эмоций. И почему эта Запевалова никогда не может просто получать удовольствие от того, что всё вокруг хорошо?

И ведь недаром я тогда почувствовала неладное с Запеваловой. Только началась вторая четверть, Женька снова собрала нас всех в актовом зале.

- Надеюсь, никто не забыл, как нас Пчела подставила? Как натравила Каргу? И вообще...

Разумеется, забыли, но тут же ее стараниями вспомнили. Сразу начали обсуждать наперебой Майю и ее предательство.

Смирнова вспыхнула, но, как обычно, смолчала. На нее не обращали внимания, и она потихоньку ушла. Никто и не

заметил.

- Мы не должны Майю прощать! Нафиг нам вообще нужна такая классная. Предлагаю наказать ее, – разошлась Запевалова.

- Как это? – все озадачились.

Прежде учителям уроки правосудия мы не устраивали.

- Мы откажемся от нее.

- А это можно?

- А почему нет? У нас в стране – демократия. Мы напишем заявление с просьбой убрать от нас Пчелу, так как она: первое – плохой учитель. Ее уроки бездарны, бесполезны и скучны. Объясняет непонятно. Да и сама плохо свой предмет знает. Спросишь не по учебнику – ответить не может. Второе – у нее явные проблемы с психикой. Вечно нервная и дерганная. Чуть что может наорать, оскорбить, а то и ударить ученика. Помнишь, Зубков, она тебя учебником стукнула? Вот! Третье – это ее разгильдяйство уже достало. Она всегда опаздывает и постоянно все забывает. До нас ей нет никакого дела. Привезла класс на экскурсию, за пятьдесят километров от города, между прочим, а сама нет чтобы следить за нами, уперлась куда-то.

Женька говорила настолько складно и без запинки, будто заранее все продумала и отрепетировала. Забыла сказать только о главной причине – о четверке по русскому, которую ей посмела вклеить Майя. Ну и те доводы, что назвала, были

не совсем честны.

Наша классная, конечно, очень забывчивая и рассеянная, и опаздывает частенько, и нервы пошаливают, но уж назвать ее плохим учителем никак нельзя. Эля Смирнова рассказывала, что у Майи диплом с отличием, аспирантура. В общем, для нее был открыт путь в науку, но она решила посвятить себя школе. Да дело даже не в том. На ее уроках, наоборот, всегда интересно. Она много всего знает. И не была она никого. А если и хлопнула Зубкова слегка, то, говоря откровенно, он заслужил и большего. Ну и битьем это точно не назовешь.

Ну и насчет Тальцов Женька тоже преувеличивает. Она ведь не ушла неизвестно куда, сидела рядом, просто мы не сразу заметили. А что отвлеклась на Свистка – так она вечно в облаках витает. Не думаю, что она забыла про нас ради шашней с Пал Палычем. А Запеваловой плевать на факты, ей лишь бы было за что уцепиться, а там извернет так, что до правды не докопаешься.

Я посмотрела на Бородина: что он скажет? У них ведь с Майей полное взаимопонимание и любовь, в том смысле, что она – его любимая учительница, а он – ее любимый ученик. Но тот мялся, хмурился, но даже слова в защиту классной не сказал.

- Здорово! – загалдели все хором.
- Женька, ты у нас – мегамозг прямо.
- Пусть убирается от нас.

- Всё. Пишем. Прямо сейчас!

- И подписаться под этим заявлением должен каждый! – решительно сказала Запевалова. - А где Смирнова?

- Свалила по-тихому! – кто-то ахнул.

- А вдруг мамашке побежала стучать?

- Нет, - сказала я, - она давно ушла, еще до того, как мы начали про заявление говорить. Почти сразу же, как сюда пришли.

- Ты видела? – резко спросила Запевалова.

Я кивнула.

- А почему ты ее не задержала?

- А что, должна была?

- Всё с тобой ясно.

Это «ясно» прозвучало, как укор или даже обвинение. Все смолкли, стали пялиться на меня под стать Запеваловой – осуждающе. Даже Лукьянчикова. А сама Женька уставилась выжидательно. Интересно, чего она ждала? Что я, как Волкова, бухнусь на колени и буду просить прощения?

Поэтому я ответила ей хоть и без наезда, но немного резко:

- А ты ее почему не задержала?

- Я?! – Запевалова, честное слово, аж опешила. - Вообще-то я не видела, как она уходила.

- А я думала, что ты видела. Видела и молчала. А раз ты молчишь, я-то что буду лезть?

- Девчонки, - подскочил к нам Бородин, - ну, что мы сей-

час будем из-за какой-то Смирновой собачиться? У нас ведь общее дело, надо его решать и не тратить время на какие-то пустяковые разборки между собой.

- Может, ты и прав, Бородин. Может, это и пустяковые разборки, - процедила Запевалова. – Поживем – увидим. Но ты верно говоришь, дело у нас общее, важное и срочное!

И мы принялись за пасквиль. Переписывали несколько раз, чтобы доводы звучали убийственнее. За этим делом прогуляли физкультуру, но, наконец, состряпали... Подписались, конечно, все без возражений, кроме Смирновой, которая пряталась от нас неизвестно где.

- А Смирновой будем предлагать подписывать? – спросил Айрамов.

- Ну, естественно. Она должна подписаться, как и все, иначе станет предателем. И потом, подпись доченьки на этой бумажке станет главным сюрпризом для Пчелы. Так что, Айрамов, ступай найди ее и приведи сюда, - велела Запевалова.

Айрамов рванул выполнять поручение.

- Нас Пчела еще и за физру взгреет, - простонала Шошина.

- Не паникуй. У Пчелы скоро будет других забот полон рот, - успокоила Запевалова и потрясла заявлением.

- Вот она, - не прошло и пяти минут в дверях появился Айрамов, подталкивая вперед Смирнову.

- У бедной Эли было зареванное лицо и взгляд такой страдальческий, что хотелось крикнуть: «Да оставьте вы ее в покое!». Но на такие подвиги я способна только в мечтах.

- Где ты ее нашел? – спросила Запевалова.

- В женском туалете, - ничуть не смущаясь, признался Айрамов.

Все захохотали. Эля всхлипнула.

- Да ты маньяк, Айрамов!

А что она там делала?

Новый взрыв хохота.

Запевалова прекратила смеяться и всем велела умолкнуть.

- Ну, что, Смирнова, от кого ты пряталась в туалете? От нас? Запомни, если тебя не отпускали, сама уходить ты не должна. Поняла?

Смирнова слегка дернула подбородком вниз – видимо, да, поняла.

- Вот и ладненько. Теперь перейдем к главному. Мы все посоветовались и решили, что Майя Вячеславовна больше не должна быть нашей классной. Причин много. Учит она плохо, с классом вообще не справляется, ведет себя неадекватно. Короче, вот заявление, в котором мы требуем, чтоб твою мать от нас убрали. Все подписали, и ты тоже должна его подписать. Ты же тоже – ученица нашего класса.

- Я... я не могу, - пролепетала Смирнова.

- Брось ныть. Мы понимаем, что она – твоя мать, но почему из-за этого должен страдать весь класс? И потом, она ведь все равно твоей матерью так и останется, а классную нам поставят другую. Тебе же проще будет.

Смирнова покачала головой, и Запевалова сразу же вскипела:

- Да что я тебя еще уговаривать буду? Подписывай давай или ты предашь класс и тогда... Ну, ты сама знаешь, что будет тогда. Суд над Волковой детской сказкой покажется по сравнению с тем, что устроим тебе.

Смирнова рыдала во всю, но все равно не подписывала и ручку, которую ей упорно совали, не брала.

- Так не хочется делать тебе больно, - и Запевалова многозначительно посмотрела на Айрамова, который держал Смирнову за локоть.

Он понимающе ухмыльнулся и стал выворачивать Эле руку. Смирнова закричала, но Айрамов даже не ослабил хватку.

- Подписывай, крыса! – И ей опять сунули ручку.

Но она не взяла. Я от нее такого геройства, честно скажу, не ожидала, даже восхитилась про себя, потому что сама бы наверное уже сто раз подписала.

- Отпусти ее, Марат, - сказала Запевалова, - пусть валит. Себе же хуже сделает, а, главное, совсем плохо будет Пчеле. Поняла, Смирнова? Не хочешь подписывать это заявление, где мы всего лишь просим перевести ее в другой класс, мы напишем другое, в котором подробненько изложим, как твоя мамаша крутит роман со Свистком. И до того они обнаглели, что даже нас, своих учеников, не постеснялись! Вывезли нас

на экскурсию за город и бросили одних. А сами уединились в лесочке. Мы, бедненькие, потерянные детки, бегали искали нашу классную руководительницу, а ее нигде не было. Потом заглянули в рощицу – та-дам – а там наша уважаемая Майя Вячеславовна с Пал Палычем трали-вали, шпили-вили. Могу себе представить, что с ней Карга за это сделает. Твоя мать потом вообще нигде работы не найдет. И вот еще интересно, что на это скажет твой отец?

- Это неправда!

- Это-то как раз и правда, идиотка. Мы все прекрасно видели, как Свисток целовался с твоей матерью. Можно представить, что они вытворяют, когда рядом никого нет.

- Не было этого!

- Ну-ну.

Запевалова достала новый лист и принялась выводить слово «заявление». Смирнова не уходила, хотя никто ее больше не держал. И вдруг сказала:

- Я подпишу.

- Зачем? Обойдемся и без твоей подписи, - Запевалова, не поднимая головы, продолжала писать.

- Пожалуйста...

Ну, Запевалова – ну, интриганка! Подумать только – Смирнова умоляла подписать заявление на свою мать!

- Ага, а потом ты скажешь, что тебя силой заставили его подписывать. Ну уж нет.

- Я так никогда не скажу! Клянусь.

- Ну, хорошо, смотри, никто тебя за язык не тянул, - и Запевалова с видом благотельницы протянула злосчастное заявление, на котором Смирнова быстро нацарапала свою фамилию. – Ну, все, иди.

- Куда? – растерялась Смирнова.

- Обратно в туалет! – съехидничала Запевалова, и все снова засмеялись.

- А ты, Сова, отнеси заявление Карге. Оставишь в приемной.

19. Таня

Директриса на наше заявление отреагировала моментально, но не совсем так, как мы рассчитывали. Она вызывала нас по одному к себе в кабинет и допрашивала с пристрастием, причем не только насчет Майи, но и Волкову припомнила. Запевалова основные моменты обговорила заранее и предупредила, если вдруг спросят, о чем не договаривались, ничего выдумывать нельзя.

- Говорим: «Не помню, не знаю, не был, не видел». По ситуации смотрим, но никакой отсебятины! – напутствовала Женька. – Потому что главное – не должно быть никаких расхождений.

Мурыжили нас почти всю неделю. Но и Майе тоже приходилось несладко. Теперь на всех ее уроках присутствовал кто-нибудь из проверяющих: завуч, а то и сама директриса.

Меня Анна Карловна вызвала одной из последних. За восемь с лишним лет учебы я впервые попала в директорский кабинет. Жуткое впечатление. Во-первых, темно как в склепе, оттого что жалюзи плотно закрыты. Сразу вспомнилось, как кто-то говорил, что у директрисы глаза болят от солнечного света и поэтому она редко выходит из своего кабинета. А, во-вторых, сама атмосфера была какая-то гнетущая. Анна Карловна восседала в глубине кабинета за длинным столом, а меня оставила топтаться у двери. Но это даже хорошо – она

хотя бы не видела, как меня трясет.

- Так, ты у нас Шелестова... Майя Вячеславовна отзывалась о тебе как о прилежной и способной ученице и... неплохом человеке. Из чего я полагала, что у вас с ней взаимопонимание. Значит, ошибалась. К сожалению. Что у тебя по русскому и литературе?

- Пять.

- Пять. А она, выходит, плохой учитель. Научить ничему не может, так как сама ничего не знает. Правильно я поняла? Получается, все твои пятерки фальшивые. Пятерка подразумевает отличные знания. А откуда могут быть отличные знания у учеников, которых обучает плохой учитель? Так что мы просто обязаны убедиться в их объективности. Так, Шелестова? Что молчишь? Ведь ты подписывала это заявление?

- Да, - еле выдавила я.

Одно дело просто поставить свою подпись на листке бумаги среди множества других подписей, и совсем другое – наговаривать на Майю.

- Так. А мне бы хотелось услышать поподробнее, в чем выражается некомпетентность Майи Вячеславовны? Она объясняла что-то неверно, на вопрос не смогла ответить?

- Да.

- Что «да»?

- На вопрос не ответила.

- На какой вопрос? Кто его задал?

- Не помню.

- Я так понимаю, это был чрезвычайно важный вопрос, что вы все, не получив на него ответа, кинулись писать заявление на учителя. Однако же, что это за важный вопрос, никто не может вспомнить. Кто придумал написать заявление?

- Никто! – воскликнула я, пожалуй, слишком поспешно и взволнованно.

- Значит, Запевалова, - она не спрашивала, а просто сказала, будто знала наверняка.

- Каким образом вы заставили Смирнову подписаться под этим? – Анна Карловна брезгливо скривилась и кивнула на наше заявление.

- Ее не заставляли, она сама так решила.

- Кто ей помог так решить? Тоже Запевалова? Вы прогуляли физкультуру, чтоб настрочить свой донос? А чем Волкова вам не угодила? – она завалила меня вопросами, дух не давала перевести.

- Ничем.

- А раз так, почему ее не приняли в коллектив?

- Она сама виновата, - вспомнились слова Женьки. - Она прогуливала уроки и ... Да мы даже ее почти не видели! И мы ее не обижали.

- Ладно, иди, Шелестова.

Последней «пытали» Запевалову, но ту ничем не пробьешь. Она спокойная ушла, спокойная вернулась. Даже настроение не изменилось.

На последнем уроке, прямо перед звонком, в класс вошла

директриса и объявила, что завтра каждый из нас будет пересдавать русский с литературой лично ей. От такой новости мы чуть не впали в шок. Еще бы – тут даже если и знаешь, то всё забудешь рядом с этой Каргой.

На другой день, Анна Карловна, как и обещала, устроила нам блиц-тестирование. Правда, к счастью, не доскональное, а больше для проформы. Но мы все равно перенервничали. Меня так вообще бил мандраж. Думала, ни за что не отвечу ни на один вопрос. У меня всегда так от волнения – мозги совершенно работать отказываются. Некоторые действительно срезались. Впрочем, снижать им оценки никто не стал. Просто как бы ткнули носом.

Я вроде ответила на все вопросы, и то исключительно на автопилоте. Копнули бы глубже, где я не наизусть знаю, где надо было бы подумать, то точно села бы в лужу. А вот Запевалова, конечно, блеснула знаниями, и уж не преминула сказать, что ей, такой умнице, Майя Вячеславовна поставила четверку.

Ну а Майе вlepили строгий выговор, но от нас не убрали.
- Ничего. Это только начало, - сказала Запевалова. – Скоро она сама от нас сбежит.

- Может, в фотошопе сварганим фотки с ней? - предложил Зубков. - На Кристи Мак прилепим лицо Майи и выложим в сеть? А чего? Пусть посмотрят, какая у нас училка.

- Бред, - скривилась Женька. – В эту лажу поверят разве

что такие придурки, как ты. Чтобы изжить Майю, дешевские трюки не прокатят. Должно быть что-то конкретное, серьезное и очень правдоподобное.

Все наперебой стали выдвигать версии, как можно по-крупному насолить Майе, но Запевалова ни одну не одобрила. А я неожиданно вспомнила, как всего-то пару лет назад мы обожали Майю. Ну, по крайней мере, большинство из нас. К праздникам ролик сами делали поздравительный, чтобы ее порадовать, а теперь вот интриги плетем, чтобы избавиться от нее...

- Ладно, хватит, - Женька велела всем умолкнуть. – Я сама что-нибудь придумаю.

Долго ждать не пришлось. Спустя неделю «проблема» разрешилась и конечно же стараниями Запеваловой. Элю на этот раз не привлекали, наоборот, держали в неведении.

«Не будем ее трогать. Еще чуть-чуть и наша бедная овечка, чую, расколется», - сказала Женька.

Замысел был прост: довести классную во время урока до такой кондиции, чтобы она себя перестала контролировать. На самом деле, с Майей это не так уж сложно. Она – нервная по жизни и чуть что заводится с пол-оборота.

Доводить должен был весь класс. Решили, что будем гудеть. Негромко, но непрерывно. Так и сделали: не размыкая губ, мы все гудели. Сидели при этом как прилежные первоклашки: спины прямо, руки на парте, с учителя взгляд не

сводили. Майя, как и ожидалось, сразу же вскипела. Металась, ругалась, а мы все равно гудели, нагнетая обстановку. Тогда Запевалова, выждав немного, сказала ей:

- В чем дело, Майя Вячеславовна? Что вы так нервничаете?

- Ну, Запевалова, не думай, что это тебе сойдет с рук!

- А что вы мне сделаете? Опять к Анне Карловне побежите жаловаться? Давайте бегите. Прямо сейчас, - Запевалова говорила это пренебрежительно и с усмешкой.

Даже эту ехидную фразочку насчет Анны Карловны и свой тон Запевалова продумала заранее – специально, чтобы Майя как раз таки не пошла к директрисе. Женька так и сказала:

- Главное, чтобы она из кабинета не вышла раньше времени, а то сорвется рыбка с крючка. Ну, ничего я знаю, как Майю остановить.

И ведь как точно всё просчитала! У классной вообще-то была такая манера: уйти с урока, если справиться с классом не могла. Уходила, конечно, не с концами, а на несколько минут. Видимо, чтобы успокоиться. Не то чтобы Майя была психически не здорова, но с нервами у нее не все в порядке, это факт. Правда, не так уж часто мы ее доводили, по крайней мере, в прежние года.

И в этот раз она бы непременно убежала, но теперь, после слов Запеваловой, осталась. А лучше бы ушла. Кому и что она доказала своей бравадой? Только Женька еще больше

вознеслась в собственном самомнении – вот, мол, какая она у нас проницательная и как ловко манипулирует людьми.

Следующим по плану было выступление Зубкова. Он должен был вести себя как никогда разнузданно. И он, конечно, постарался. Сначала достал смартфон, включил звук на всю громкость и стал играть в какой-то шутер. Мало того, что все прекрасно слышали то звериный рык, то пальбу, то взрывы, то тра-ля-ляканье заставки, он еще и орал на весь класс: «Куда прешь, урод?», «Получи, тварь» (и это самое благопристойное).

Майя, естественно, от такой наглости сперва опешила, потом принялась орать на него, затем подошла и отобрала смартфон, положила к себе на стол. Сказала, что отдаст после урока. Зубков, не долго думая, подошел и без спросу взял его со стола, уселся на место и снова продолжил играть как ни в чем ни бывало. Тогда она вскипела и не просто выхватила смартфон, но еще и к себе в сумку убрала, пообещав, что вернет его только родителям.

Зубков по сценарию подскочил, схватил ее сумку и потряхнул все содержимое на учительский стол. В куче вещей как будто «случайно» он откопал упаковку презервативов, которые сам и подложил.

- О-о! Майя Вячеславовна, что тут у вас! Контекст. Со вкусом клубники. Ух ты! Клубничку любите, - оскалился Зубков, делая при этом неприличный жест.

Майя, вся пунцовая, прямо оцепенела. Весь класс ухоба-

тывался, а мне было так стыдно, что хоть под землю провалились. С самого начала Женькин план мне не понравился, еще на словах, но я не предполагала, как будет мерзко участвовать в этом фарсе.

А Зубков продолжал глумиться:

- Ого! XXL! Это у Свистка такой размерчик?

В запасе, насколько я знала, у Зубкова были реплики и похлеще, но Майя до них не дотянула. Как только он упомянул Свистка, она вздрогнула и вlepила Зубкову пощечину. Потом побросала свои вещи в сумку и выбежала из кабинета. Как только за ней хлопнула дверь, Запевалова поднялась и зааплодировала:

- Красавчик! Блестящая партия!

Зубков картинно раскланялся, прямо как артист на сцене. Все тоже стали дружно хлопать, не замечая, что творилось с Элей Смирновой. А у нее была самая настоящая истерика. Зажав обеими ладонями рот, она беззвучно и неудержимо рыдала. Ее, бедную, аж колотило.

Нашим дела до нее не было, все наперебой расхваливали Женьку и Зубкова за то, что они так круто «сделали» Пчелу.

- А она точно после этого уйдет? – спросил кто-то.

- Пусть попробует остаться, - хмыкнула Женька и покрутила своим айфоном. – У нас теперь есть такое видео! Выложим в ютуб. Я даже заголовок придумала: «Училка взбесилась и избивала ученика прямо на уроке». А то вообще в новости пошлем. Так-то это уголовное преступление. И затас-

кают по судам нашу бедную Майю или даже срок впаяют. Ну а к школе ее уж точно и близко не подпустят.

Потом она обратилась к Эле, которая все никак не могла успокоиться:

- Эй, Смирнова. Слышала? Так и передай своей мамашке, что если она от нас сама не свалит, ей же будет хуже.

20. Таня

Майя Вячеславовна от нас и в самом деле ушла очень скоро, даже до конца четверти не довела. Эля Смирнова тоже выбыла из класса. Вместо Майи нам поставили Тамару Ивановну. Вообще-то она вела у нас историю, но поскольку у остальных литераторов часов было и так под завязку и от классного руководства все отказывались, Тамара Ивановна взяла на себя дополнительную нагрузку. Так она сама нам рассказала. Я одного не понимала, как историк, может преподавать какой-то другой предмет. Прямо как в той старинной школе в Тальцах!

Все радовались, что нам назначили именно ее. А мне она не то что не нравилась, но всеобщий восторг я не разделяла. Что бы там про Майю ни говорили, а уроки у нее были гораздо интереснее, чем у Тамары Ивановны. Да здесь даже сравнивать смешно!

Она, конечно, не такая требовательная, как Майя – не успела стать нашей классной, как сразу наставила всем хороших оценок и по русскому, и по литературе. Даже у Зубкова и Умрихина за вторую четверть вышла четверка, когда им и тройки-то было бы много. Мой папа сказал бы, что она зарабатывает дешевый авторитет.

А еще у нас с третьей четверти снова будет новенький. Это Сова случайно подслушала разговор директрисы и Тамары

Ивановны. Причем, по словам Совы, Анна Карловна предупреждала классную, что ученик будет проблемный, что его из предыдущей школы исключили за что-то ужасное и чуть ли в колонию не отправили.

Классная даже пробовала сопротивляться, мол, почему к нам, у нас и так в этом году была уже одна новенькая.

На что ей директриса ответила: «Зато двое и выбыло: Волкова и Смирнова. И вообще в других классах своего хулиганья хватает. А у вас класс хороший, самый лучший по всем показателям». «А вдруг...», - не унималась Тамара Ивановна. «Не вдруг! У вас есть Запевалова. Такая либо его в свою веру обратит, либо он станет отщепенцем и особой погоды не сделает».

На этой фразе Женька расцвела и даже, по-моему, впервые назвала Сову Наташкой:

- Ты у нас, Наташка, прямо как новостной канал.

Теперь уж от удовольствия зарделась Шошина.

Нам же Запевалова сказала:

- М-да. Еще и отморозков нам не хватало. Ну, ничего, посмотрим, что там за крендель...

После зимних каникул Тамара Ивановна объявила и для нас эту «новость». Сова оглядела всех с таким самодовольным видом – мол, вот видите, я же говорила! Как будто она

не случайно подслушала разговор классной и директрисы, а напороочила, как Ванга.

Тамара Ивановна сказала про новенького:

- Сегодня придет. Мальчик не простой. Насколько я знаю, в прежней школе у него были проблемы. Но я надеюсь, вы возьмете его под свою опеку.

Последние слова она явно относила к Запеваловой. Тамара Ивановна вообще Женьку превозносила до небес и постоянно нахваливала, какая она у нас умная, талантливая, необыкновенная. Она и звала-то ее исключительно Женечкой. Запевалова прямо вся светилась от удовольствия – кто бы мог подумать, что она так любит похвалу! И конечно же Тамара Ивановна стала у нее самой любимой учительницей. К ее урокам все обязаны были готовиться, шуметь или грубить – ни-ни. Если вдруг кто-нибудь срывался, все-таки огрызаться учителям у некоторых чуть ли не в крови, Тамара Ивановна беспомощно взирала на Женьку, а уж та одним взглядом затыкала рот баламуту. В общем, меж ними царило полное взаимопонимание. И тут вдруг «трудный» новенький. Интересно, Тамара Ивановна сама хоть понимала, что своим «возьмите под опеку» дала Женьке карт-бланш.

Женька утвердительно кивнула, мол, поняла, сделаем.

Хоть мы и не любим новеньких, но все равно ведь интересно посмотреть, какой он. Тем более парень, тем более трудный. Но он не пришел ни в тот день, ни на следующий. А потом мы уже о нем и думать забыли.

А в среду, в середине второго урока, дверь вдруг распахнулась, и перед нами предстал собственной персоной этот самый новенький. Мы, конечно, тут же принялись его с любопытством разглядывать.

Новенький был довольно высокого роста, но при этом его не назовешь долговязым или нескладным, как Зубков, например. В общем, фигура – что надо. Волосы не то чтобы совсем светлые, но и не темные. Русые, наверное. В общем, черт их разберет, но точно не брюнет, а мне всегда нравились именно брюнеты. Но все равно на лицо он симпатичный, тут не поспоришь. И такой... мужественный, что ли. Как Жанка Корчагина про него сказала – брутальный. Наши мальчишки, конечно, ни в какое сравнение с ним не идут. Даже Марат Айрамов, а ведь боксер. Да и как-то не скажешь, что этот новенький – наш ровесник. Выглядит минимум на пару лет старше. Хотя для парня – это плюс, я считаю.

Зашел он вразвалочку, ничуть не стесняясь – без разницы, что урок давно идет, что вообще класс новый, незнакомый. Я таких людей не понимаю и в глубине души им завидую. Сама-то я с детства с робостью борюсь и пока безуспешно. И вот так, как он, войти в новый класс я бы точно не смогла.

На учителя новенький даже не взглянул, обратился к Сове – она сидит на первой парте у входа:

- Девятый «А»?

Сова молча кивнула, и он без лишних разговоров прошел за последнюю, единственную полностью свободную парту,

где раньше сидели Умрихин с Корчагиной. После того, как выбыла Волкова, а следом Эля Смирнова, эту парочку пересадили на их места.

Математичка сначала остолбенела от такой наглости.

- Молодой человек, как это понимать?

Поскольку он ничего не ответил, влезла, как обычно, Запевалова:

- А это, видимо, наш новенький.

- Ах, да, Тамара Ивановна предупреждала, - кивнула математичка и уставилась в журнал. - Расходников Дима. Верно?

Новенький слегка кивнул.

- Но она говорила, что ты вроде как позавчера должен был прийти.

- Долго шел, - ляпнул Зубков, и все засмеялись.

Ну а новенький и бровью не повел, как будто весь этот разговор вообще его не касался. Остаток урока он полусидел-полулежал, откровенно скучая. Нашим классом не заинтересовался. И вообще всем своим видом показывал, что ему всё до лампочки.

Как только раздался звонок, он самовольно встал и вышел из класса, хотя у нас всегда твердят: «Звонок с урока – для учителя, а не для ученика».

- Ну, знаете! – математичке явно было не по душе такое

наплевательское отношение.

И не ей одной, потому что после урока все наши тоже кипели возмущением:

- Нет, ну вы видели!

- Какая наглость!

- Да вообще! Ни здрасьте, ни как зовут, ни до свиданья...

- Еще один «я-клат-на-всех-с-прибором» объявился!

- Только этот по ходу не рисуется. Недаром его в колонию отправить хотели...

- А что он, интересно, натворил, никто не знает?

- Да ладно вам, - скривилась Женька. – Тоже мне нашли Д'Артаньяна. Обычный позер. На место такого поставить – и весь пафос слетит. Забыли, какая Волкова сначала была?

Спорить с ней никто не стал. Хотя мне тоже показалось, что он не красовался. В нем действительно есть какая-то независимость и отстраненность, ну и конечно, пренебрежение, чего у нас не любят.

Жанка Корчагина, как и я, помалкивала. А потом, когда все разбрелись, подмигнула мне и тихо сказала:

- А он – красавчик.

- Не знаю, не обратила внимания. - Я вдруг сконфузилась.

- Ой, да ладно тебе, Танька. Я же видела, как ты на него смотрела.

- Ни на кого я не смотрела. Выдумала тоже!

- Ну-ну. Либэ, либэ, аморэ, аморэ...

Я окончательно смутилась и послала Корчагину с ее намеками куда подальше. На себя же разозлилась – вот с чего мне было так по-дурацки смущаться? Ну, да, он показался мне интересным и симпатичным, но это никакое ни либэ. Это вообще ничего не значит.

Однако на этом мои конфузы не закончились: на четвертом уроке – был английский – Алена Игоревна попросила меня сходить за журналом во вторую группу.

Я спустилась на первый этаж и в холле опять встретила нашего новенького. Он премило беседовал с Анитой Манцур из одиннадцатого «А». Анита считается самой красивой в школе, модной и мегапопулярной. Говорят, с кем попало не общается. Потому я и удивилась: когда они вообще успели познакомиться? И если бы просто болтали, а то он ей что-то нашептывал, а она хихикала... Но самое ужасное, что я опять повела себя, как последняя дура – зачем-то, сама не понимаю, уставилась на них.

Сначала меня заметила Анита и перестала смеяться, потом и он оглянулся в мою сторону, что-то тихо сказал, и тут уж они захохотали оба. Понятно, что надо мной! Я быстро ушла, кляня себя за дурость. Было так стыдно, а еще неприятно, хоть плачь... Ненавижу этого новенького! И Манцур ненавижу! Вот бы их больше никогда не встречать!

21. Дима

Вот оно – сарафанное радио. Не успел в новую школу прийти, а про меня там, оказывается, уже все всё знают. И, конечно, в версии Грина.

Директорша – натуральная Минерва МакГонагалл только на двадцать лет дряхлее и без шляпы – с порога, в лоб заявила, что у них «эти мои штучки» не пройдут.

- Какие штучки? – спрашиваю.

- Ну, ты и сам знаешь.

А дальше развернула лекцию минут на сорок о том, какая у них замечательная школа, какие строгие порядки, как все здесь чинно и благопристойно. Я молча выслушал весь этот пафосный бред и когда, наконец, она выпустила меня из своей кротовой норки, мой мозг во всю вопил: «Караул, куда я попал!». Поэтому на уроки я не пошел, а свинтил домой. То есть не совсем домой – там могла быть бабка.

В последнее время она практически отказалась от преподавания и появлялась в своем универе набегами. Это ее плавающее расписание мне все карты сбивало. Дома до часа не покажись, потому что узнай она опять о прогулах, задвинула бы еще одну порцию нравоучений, а мой запас терпения на сегодня был полностью исчерпан. Поэтому я пошел к Косте Бахметьеву, надеясь застать его дома.

Повезло – Костя тоже прогуливал уроки. В общем-то, он

всегда после каникул долго раскачивался. Но ему проще – предки уходили на работу рано, потому что вкалывали на фиг-знает-каком-заводе у черта на куличках. Возвращались поздно. Так что с утра и до вечера Костя – сам себе хозяин и делает, что хочет. Например, я пришел – он еще дрых.

- Ты в курсе, каникулы вчера кончились?

- А-а, - отмахнулся Костя. – Ты сам-то сегодня был в школе?

- Угу.

- Ну и как?

- Велкам ту хелл. Seriously. Там реально ад! Бабка с тем же успехом могла упрятать меня в монастырь.

- В смысле? Там что, девчонок нет?

- Да при чем тут это. Просто там жесть. А директорша вообще в маразме потерялась.

И, подражая тону старухи, привел парочку высказываний из ее лекции:

- В нашей школе очень строгие распорядки, и все их неукоснительно соблюдают. Дисциплина – превыше всего, любые нарушения серьезно караются. Именно поэтому наша школа всегда считалась образцовой, и сейчас мы держим очень высокую планку.

- Ну, ты попал! Да, может, это так... туфта. Просто мелет, ну... для этой... профилактики. А она знает про тебя?

- И про меня, и даже про тебя.

- Во дела!

До обеда я просидел у Кости, потом пошел домой, как будто после школы. Бабка пристала, как там, что там, совпадает ли программа. Еле отвязался.

На следующее утро я опять не пошел на учебу, а двинул прямиком к Бахметьевым.

Костик сварганил яичницу, мы перекусили. Пока ели, он мне рассказывал про Олю, с которой строил отношения очень постепенно. Это она попросила не торопиться.

- Но мы уже вдвоем ходили в кино и в клубешник, - похвастался Костик.

Было бы чем хвастаться.

- По мне, так она тебя тупо разводит.

- Чего?

- Не с кем затусить, вот и разводит тебя на кино и прочие радости, а потом динамит. Или скажешь, у вас что-то было? Нет? То-то и оно.

- Ну вот чего ты такой урод, а? Обязательно надо всё изгадить?

Каждый раз – одна и та же песня, одни и те же грабли. Но лезть в бутылку не хотелось, Костян уже и так набычился. В конце концов, спасение утопающих – дело рук сами знаете кого.

- Ладно, ладно, молчу. Будем считать, что Оля просто стесняется. Пойдем лучше прошвырнемся?

Мы вышли из дома, и тут я увидел свою мать. Впервые за последние несколько месяцев. За это время она опусти-

лась ниже некуда. На вид – бичиха-бичихой, каких полно по помойкам рыскает. В такую рань погнать ее из дома могло только похмелье. Так оно и было, судя по курсу, который держала мать, еле волоча ноги. Конечная точка – супермаркет, куда она явно не за хлебом направилась.

- Она каждый день такая, - конфузливо пробормотал Костик.

- Какая такая? – вдруг завелся я.

- Ну, вот такая, как сейчас.

- Ты за своей матерью смотри...

И наговорил бы ему гадостей, как пить дать. Но в это время мать нагнали какие-то малолетки – пацаны лет по двенадцать-тринадцать. Накинулись на нее всей кучкой – толкали, пинали, материли и... хохотали. А уже в следующую минуту я остервенело бил того, кто первый ее толкнул. Еще двоим надавал Костян, но не жестко. Зато мой подопечный отхватил по полной. Четвертый же пацан скрылся. Этот, собственно, не нападал – он у них за оператора был. Но ринулся от нас так резво, что поскользнулся, упал, тут же подскочил – только мы его и видели. Зато обронил свой телефон.

Это нас и спасло, меня, по крайней мере. Потому что с места событий меня и Костю забрали в отдел (мать тоже под шумок сумела незаметно исчезнуть), где нам обрисовали мрачную перспективу ближайшего будущего. Затем туда примчались родители этих малолетних упырей. Пугали, брызгали слюной. А один полуплешивый мужичок – соплей

перешибешь – орал:

- Дайте я сам разберусь с этими подонками.

- Эй, папаша, ты подожди нас за углом, - пошутил Костян, который был в два раза габаритнее мужичка. – Там и разберёмся.

- Закатай губу, - посоветовал дежурный. – Вы к нам на-долго.

Я приуныл. А потом, просто как подарок судьбы, всплыл этот мобильник. То есть нашли его сразу же, когда и нас приняли, но заинтересовались спустя часа три. Там было такое видео! Эта лихая четверка, оказывается, вообще тем и забавлялась, что бомжей кошмарила.

Разгоряченные мамашки и папашки тотчас притихли, а предки пацана, которого я отметелил, как увидели, чем их чадо развлекается на досуге, сразу передумали на меня заявление писать. Стали намекать на свою безграничную благодарность, в случае если дело замнут. В общем, нас еще немного постращали, но уже больше для вида, и отпустили.

22. Дима

Всё бы ничего, но об этом происшествии узнала бабка и чуть до смерти не запилила меня за драку и прогулы. Клевали мозг, пока я не расписиховался:

- Да ты запарила меня уже со своей учебой! Мне на хрен не сдалась эта дебильная школа! Вообще туда больше не пойду!

Тут ей сделалось плохо. Я, идиот, ей сначала не поверил. Думал, представление специально устроила, чтобы на меня надавить, и орал еще больше. Потом заметил, что лицо ее не просто побледнело, а вообще сделалось каким-то серым и неживым. Она осела и перестала реагировать на мои крики.

- Э-э, бабуля, ты чего? – стал ее тормошить, но реакции – ноль.

Вызвал скорую. Пока те не приехали, чуть с ума не сошел – не хватало еще свести в могилу собственную бабушку. Врач скорой хотел забрать бабку в больницу. Убеждал, впрочем, не слишком убедительно. Собственно, она все равно слышать ничего не желала и наотрез отказалась от больницы – внука ведь нельзя оставить без присмотра.

Наверняка, по ее расчетам, меня должны были обуять стыд и раскаяние и вечная благодарность за такую жертву, но я, наоборот, досадовал, что ее не увезли – неделька-другая свободы мне бы сейчас не помешала. Однако мысль, что

она может умереть, напугала всерьез. Потом, уже ночью подошел к бабке проверить, как она. Прислушался – дышит. Развернулся к двери, а она вдруг тихо-тихо сказала:

- Димка, ты – единственный, кто у меня есть. Бога благодарю, что твоя мать меня, дуру, не послушала. Я так этому рада. Если не хочешь больше учиться – не учись. Мне вон пенсию государство платит. Как-нибудь вдвоем на нее проживем.

Ее слова застали меня врасплох. Мне вдруг стало неловко, что орал на нее, что довел до такого состояния. Да и жалко было ее. Подошел, ткнулся губами в сухую, холодную щеку, пробормотал:

- Ты прости меня, что я так... погорячился. Наговорил тебе сдуру всего. Конечно, я буду учиться. Завтра же в школу пойду. Обещаю.

Каким бы «героем» ты себя не считал, новая школа – это в любом случае повод для волнения. И это несколько не оправдание, я же не биоробот, в конце концов. К тому же нельзя сказать, чтобы я так уж нервничал, но безмятежности на душе все-таки не было. С преогромным удовольствием вообще бы забил на учебу, но куда потом идти, чем заниматься? А здесь хотя бы определенность есть. Да и бабке слово дал. Так что пришлось «одеть стальную каску» и отправиться на учебу.

На первый урок опоздал. Привык, что бабка будит по утрам, а тут в связи с приступом ее напичкали какими-то релаксантами, что она и сама проспала, и меня поднять забыла. И поскольку успел только к середине второго урока, пришлось заявиться тихо, по-скромному, без официального представления.

Так даже лучше, потому что сто раз рисовал в воображении картину, как класснуха выводит меня, будто на сцену, перед всем классом и торжественно объявляет: «Такой-то, такой-то оттуда-то, оттуда-то, будет теперь учиться у нас. Просим любить и жаловать».

Идиотская ситуация – все тебя разглядывают, а ты стоишь, как дурак, честное слово. Так, по крайней мере, в бывшей школе проходила процедура знакомства с новенькими. Поэтому предпочел без лишнего шума и официоза прошмыгнуть в новый класс, хотя однокласснички, по-моему, на миг оцепенели, когда я к ним ввалился.

Ну а потом просто достали разглядывать меня. Особенно одна. Уставилась чуть не с открытым ртом. Так и подмывало ляпнуть ей что-нибудь в духе «Глаза сломашь!». И вообще подумал, что зря я нервничал, нет, не нервничал, испытывал некоторое беспокойство. В общем, зря. Так как весь класс – типичные хомячки. Еще и инфантилизм зашкаливает. Буквально в каждом.

Сидят, чёлочки зализанные, учителю в рот смотрят, в тетрадках старательно что-то записывают. И я должен ходить в

этот детский сад?

Тут, правда, я не совсем объективен. Им ведь и вправду лет по четырнадцать. А мне, считай, семнадцатый пошел, но все равно в моем прежнем классе иначе было. Такие пай-детки у нас точно не водились.

И, главное, там зайдешь и сразу видно, кто есть кто. В смысле весь набор характеров присутствовал: стервы и няшки, ботаны и тихони, адекватные и те, у кого башню сносило от малейшего волнения, в общем, всякие-разные. А здесь – ну, все как один. Не класс – болото. Серое, унылое, однообразное болото. И девчонок интересных – ни одной, таких, чтобы взглянул и ах! И захотелось пообщаться.

Только две и запомнились. Одна – потому что тарашилась. Вторая – видать, местная активистка и отличница. Хотя по-моему – так обычная выскочка с гонором. Мадам, которая учительница, пожелала выяснить, кто такой и зачем пришел, но я и рта раскрыть не успел, как эта выскочка все про меня доложила.

После звонка решил разведать, что здесь да как. Неужто во всей школе так тоскливо? Прошелся по коридорам и почти отчаялся – настолько мне всё здесь не нравилось. Ей-богу, как в монастыре. Даже малышня не орала на перемене, не носилась, не устраивала возню.

Или вот девчонки – у нас, в той школе, они были яркие, пестрые, галдящие, одетые кто во что горазд. Некоторые – модно, другие – скромненько, но с фантазией, третьи – стре-

мно или до смешного безвкусно, и все равно это лучше, чем такая сплошная безлика серость, как здесь.

И все же... все же... мне встретилась одна. Пусть в сером платье и не покрашенная, но зато именно девушка. К тому же привлекательная, даже красивая. Хотя не скажу, что абсолютно в моем вкусе, что-то в ней было кукольное – белые кудряшки, голубые глазки, губки – бантиком. Да, пожалуй, совсем не мой типаж. Однако тут она – явно королева. Разве мог я ее пропустить?

- У вас что здесь, дресс-код такой или все в трауре?

Девушка обернулась. Посмотрела слегка изумленно. Мелькнула полуулыбка – вот он, сигнал.

Мы говорим слова, по большей части, банальности, но по-настоящему общаемся знаками, взглядами, интонацией. Это сродни игре. Научись улавливать эти знаки, и проблема «как познакомиться» отпадет сама собой. Об этом даже думать не придется. Как и над проблемой «когда можно сделать следующий шаг». Это ее по Костяну знаю – он вечно заморачивается, можно уже начать приставать или еще рано. А это ведь так легко по глазам читается.

Если встречаются двое, и оба в курсе правил этой игры, то общение будет приятным, легким и волнующим. Если – нет, то надо напрягать мозг, чтоб разговор как-то склеился. Я в таких случаях – пас.

Ну а эта девушка явно была в игре. Взгляд оценивающий и

в следующий миг – заинтересованный. Фейс-контроль пройден.

- Да, это у нас директриса с ума сходит. А ты... у нас кто?

- Дима.

Протянул руку, она легонько пожала.

- Анита.

Мы проболтали весь урок.

- Весело с тобой, но у нас сейчас алгебра будет, надо идти,

- сказала Анита с искусным налетом легкого сожаления.

Но уходить при этом не торопилась. Сначала - «немного опоздаю, ничего страшного», потом – «ай, да ну, эту алгебру, но на следующий я точно иду».

Общаться с ней было не только приятно, но и познавательно с точки зрения знакомства с местными обычаями и публикой. Правда, конкретно про мой новый класс она ничего толком не сказала:

- Я малолетками не интересуюсь.

- Даже теперь? – спросил я, имея в виду себя, хотя по годам, как выяснилось, мы были с ней ровесники.

- Ну... бывают исключения, - она кокетливо улыбнулась.

Мы обменивались двусмысленностями, все глубже заводя разговор в приятное русло. Но внезапно Анита умолкла.

- А это кто? Подруга твоя? – спросила Анита.

Я посмотрел, куда она указала. Там стояла та самая девочка из нового класса и опять по-идиотски пялилась. Это уже точно клиника.

- Пфф, - я скривился, - скажешь тоже!

- А что, по-моему, девочка на тебя запала. Ты приглядишься,

- посмеивалась Анита.

- Меня салатницы не интересуют.

- Кто?! – она захохотала, пожалуй, громковато.

Зато эту ненормальную как ветром сдуло.

В общем, первое негативное впечатление от новой школы Анита сумела скрасить и практически перевести в фазу со знаком плюс. Еще и вечер обещал сложиться – мы договорились встретиться и куда-нибудь сходить...

23. Таня

Всё изменилось. Вернее, нет. Изменилась я. С того момента, как появился Дима. Той жизнерадостной дурочки больше нет. Кажется, для меня весь мир, всё, что когда-то занимало, радовало, беспокоило, потонуло во мраке или совсем исчезло – остался только он. Дима...

Каждую минуту я думаю о нем. Стоит сомкнуть глаза и наплывают образы...

...звонок. Мы сидим, записываем домашнее задание. А он уже поднялся и идет к двери, не обращая внимание на возмущение учителя, проходит между рядами. Проходит мимо нашей парты. Меня обволакивает его запах, от которого я совершенно схожу с ума, жадно вдыхая каждую капельку. Тарашусь на его спину, широкие плечи, смуглый затылок, стараясь за эти несколько секунд насмотреться вдоволь...

...урок английского. Мы ждем Алену Игоревну возле кабинета, она почему-то задерживается. Дима стоит поодаль, прислонившись к стене. Ноги – накрест. Руки – в карманах брюк. Голова вздернута, веки полуприкрыты, темные, длинные ресницы (мне бы такие!) опущены и прячут глаза в тени, оттого кажется, что смотрит он на всех свысока. Но если приглядеться, то видно, что вовсе не свысока, а устало и как-то отрешенно.

Потом ему надоедает ждать, и он уходит, буквально за ми-

нуту до того, как англичанка, наконец, прибегает. А я молча злюсь на нее за опоздание, и весь урок кажется мне тоскливым...

...физкультура. Шестой урок. Мальчишки играют в баскетбол. Девчонок Свисток отпустил домой. Ну а я нагородила сто причин, по которым мне якобы надо дожидаться конца урока, чтобы только остаться в спортзале, чтобы смотреть на него. В черной майке и свободных светло-серых трениках он немножко другой. Малость разгильдяйский, что ли. Но все равно бесподобный! Сам хоть и не качок, но руки крепкие, мускулистые. Остальные пацаны в сравнении с ним кажутся по-цыплячьи тощими и нескладными.

На его левом предплечье я углядела тоненькую черную полосу, обвивающую бицепс. И тотчас влюбилась в тату, хотя совсем недавно относилась с глубоким презрением ко всем, кто делал себе наколки.

И играет Дима лучше всех. Стремительно, уверенно, напористо. Что ни бросок, то – в корзину. Свисток аж вскакивает в восторге. Я – тоже. Едва удерживаюсь от аплодисментов при каждом попадании. Звонок. Дима, весь взмокший, разгоряченный, на ходу стягивает майку. На мгновение вижу его торс, упругий, стройный, гибкий. Меня словно окатывает жаром, и сознание меркнет. Нет, я не валюсь в обморок, но сижу, встаю, куда-то иду на автомате, ничего не соображая, пылая и дрожа всем телом...

Таких фрагментов – целая вереница. Как бесценные со-

кровища я их коплю, бережно храню и частенько извлекаю, чтобы заново пережить эти чудные мгновения. Иногда даю волю фантазии и воображаю такое, что сама потом стыжусь. Пожалуй, теперь по-настоящему счастлива я и бываю-то только в своих мечтах.

А в реальности все хуже некуда. Самой себе кажусь скучной, неловкой, бестолковой, некрасивой. В школу рвусь теперь всем сердцем и, вместе с тем, это для меня настоящая пытка. Когда он опаздывает на уроки, сижу как на иголках. Слушаю вполуха. Вскидываюсь, стоит только кому-то дверь открыть. Если ложная тревога, то испытываю глубочайшее разочарование.

А если входит он... Со мной тотчас происходит что-то невообразимое. Прямо чувствую, как пылают щеки, слышу, как дико колотится сердце, как стучит кровь в висках. Дышу с трудом. Всё плывет перед глазами, а внутри мелко, противно потряхивает. Не могу ни на чем сосредоточиться.

Если меня спрашивают, то я не в состоянии ответить даже на самый простой вопрос – в голове как будто вакуум. Еще и язык подводит: становится каким-то чужим, неповоротливым, тяжелым. Голос звучит ужасно: то глухой и скрипучий, то тонкий, писклявый. Почему, ну, почему я при нем так катастрофически тупею? Словно мозг отказывает, и я совершенно собой не владею.

Дима часто прогуливает уроки. А я все равно жду, когда он войдет, каждую минуту жду. И больше ни о чем думать не

в силах. Просто наваждение какое-то. Когда его нет, в душе – пустота. Ничто не приносит радость. Когда он поблизости – тоже мука адская. Каждая клеточка изнывает. Хожу, как больная. На переменах выискиваю его взглядом.

Кажется, взглянуть бы хоть глазком и уже радость. Но взглянешь и хочется еще, и еще. Правда, смотреть на него я могу только со спины, и если случается так, что он идет мне навстречу, то не знаю, куда глаза спрятать, куда самой деться. Чуть ли ни паника накатывает.

Я часто вижу его с Анитой Манцур. В такие моменты прямо физически чувствую боль. Такую сильную, такую оглушительную, рвущую сердце в клочья, что умереть, наверное, легче. Я ненавижу Аниту. Хочу, чтобы ее вообще не было.

Учеба пошла побоку - занимаюсь еле-еле. Над домашкой сижу часами, и все равно ничего в голову не лезет, самое элементарное не запоминается. Пока что выезжаю на бывших заслугах, но многие учителя уже поглядывают косо. А некоторые спрашивают, не заболела ли я. Конечно же заболела! Но разве кто поймет?

Заметила, что и отношения с родителями стали совсем другие. Прежде папа всегда был для меня непререкаемым авторитетом. Если, случалось, я с кем-то спорила, то главным аргументом у меня было: «А вот мой папа говорит...». И его есть за что уважать. Он из простой, бедной семьи и всего добился сам, своими силами, своим умом.

Раньше я гордилась им, а теперь все его заслуги кажут-

ся мне какой-то ерундой. И сам папа... он словно погряз в этих бесчисленных планерках, погрузках, доставках. Только об этом и думает, только об этом и говорит. Ничего кроме не видит и не слышит. А мне хочется крикнуть ему в лицо: «Да кому это интересно?!». Естественно, молчу, терплю. Но его общество я практически не могу выносить.

А с мамой... с ней-то у меня всегда были теплые и доверительные отношения. Но теперь и в ней меня стало многое раздражать. А больше всего то, что она ничего не понимает, до сих пор считая меня маленькой глупой девочкой. Все ее интересы сводятся к тому, что купить на рынке и что на ужин приготовить, чтобы папа остался доволен. Какой же пресной и унылой жизнью оба они живут! И даже не замечают этого. Странно, что и я этого прежде не замечала. Зато теперь, глядя на них, выть с тоски охота.

Я уйду в свою комнату, чтобы не видеть лицо отца — лицо самодовольного всезнайки, чтобы не видеть маму с ее подбострастием, чтобы не слышать их глупых, бессмысленных разговоров.

Вру обоим, что делаю уроки, чтобы не лезли ко мне, не мешали, а сама торчу в Одноклассниках. Захожу на сайт невидимкой. Диминого аккаунта там нет, но зато на странице Аниты выложены его фотографии. С ней, конечно. Но я в фотошопе всё лишнее обрезаю. Оставляю одно его лицо.

Какой он красивый! Я могу смотреть на него часами.

Смотреть и вспоминать мгновения, когда мы виделись. Смотреть и плакать. Плачу теперь вообще по любому пустяку. Иногда по полночи реву и всегда терзаюсь единственным вопросом, как он ко мне относится. Похоже, что вообще никак, что он меня попросту не замечает.

Но один случай все-таки заронил надежду – как-то мы одновременно заходили в школу, и он придержал дверь, пропустив меня вперед.

Может, это и ерунда, так многие делают. Но он не многие. В нем вообще галантности – ноль. И такой знак внимания... он не может ничего не обозначать. Разве нет? От всех этих мыслей я буквально схожу с ума.

Мне ведь даже поделиться не с кем. Я, конечно, записываю всё в дневник. Да-да, знаю, сейчас модно вести блоги, а дневник – это привет из прошлого века. Или позапрошлого?

Но блог – это как-то публично, что ли, напоказ. А в том, что ты записываешь самое сокровенное в тетрадь и эту тетрадь прячешь от всех в тайное место, есть что-то очень-очень личное. Иногда это помогает не свихнуться, привести в порядок мысли, но сейчас мне этого мало.

Так хочется поговорить с кем-нибудь о Диме. Не гадости про него послушать, а просто поговорить. Но не с мамой же. А подруг у меня, по большому счету, нет. Ольга, ни минуты не сомневаюсь, сразу же доложит все Женьке. А Женька его ненавидит. Прямо злобой вся исходит, стоит только про него упомянуть...

24. Дима

Отношения с Анитой развивались не просто быстро, а га-лопом. Сразу она мне, конечно, понравилась. В потоке замухрышек Анита выделялась и сияла как звездочка. О, как сказанул! Пафосно, но ей стало приятно.

Однако она выделялась не только из-за внешности, но и, что куда главнее, из-за умения быть такой, чтобы все на нее смотрели и удивлялись, завидовали, восхищались и т.д. (нужное подчеркнуть). Это и есть то самое, что по умолчанию возносит ее в ТОП группы «А» по нашей с Костяном условной классификации.

Об этом я ей, естественно, не говорил, понимаю, ведь, что не слишком благородно делить девушек на классы и подвиды. Хотя... девчонки тоже наверняка нас делят на всяких там ботанов, лошков, мачо, ну или кого там еще.

В тот же день, как познакомились, позвал ее гулять. Она и колебаться не стала, и умница. Сказала:

- Ну, после того, как я по твоей вине прогуляла три урока, ты просто обязан сводить меня куда-нибудь. И сегодня же вечером.

- Хм, такие-то обязанности век бы исполнял.

Договорились для раскачки пока на кино. Ждал ее в холле, она, как водится, задерживалась. Зато когда, наконец, пришла... Она меня и утром-то впечатлила, а тут... Можно

сказать, фильм мы и не смотрели. Разве что рекламу в начале и титры в конце. После кино посидели в кафе. Потом проводил ее. Как положено, постояли в подъезде, хорошенько попрощались.

А затем... не успел я дойти до дома, мне уже прилетело три смски от нее. Последняя: «Жду тебя в скайпе. Потопишь!». Мне это не то что не понравилось, просто были немного другие планы. Целый час мы проболтали по скайпу, пока, наконец, не возникла в кадре ее мать и не велела ей закругляться.

На следующий день ситуация повторилась практически один в один. И на третий день то же самое, и...

В итоге всё так молниеносно завертелось, что вот мы только приглядывались друг к другу, узнавали, старались показать себя с самых выгодных ракурсов. И вот уже Анита отвоевывает территорию за территорией моей личной жизни. Звонки, смски, чат, встречи в реале – везде, постоянно она. Костю Бахметьева почти месяц не видел.

Я не брюзжу, она действительно во всех отношениях – супер. Но, видать, мое бесприглядное детство пристрастило меня к неограниченной свободе. А тут с одной стороны – бабка поджимала, с другой – Анита шагу не давала ступить.

Еще и с кэшем – полный напряг. Последний год я пристрастился зарабатывать себе на мелкие карманные в нете. Способов, на самом деле – масса: варезники, постинг, ссылки, но там совсем по мелочи.

Другое дело – спортивные тотализаторы, где, если подфартит, можно и неплохой куш срубить. Только здесь надо быть постоянно в теме. То есть на всё необходимо время, а с появлением Аниты его-то как раз мне катастрофически не доставало. Зато баланс моего кошелька решительно стремился к нулю.

В итоге, когда она в очередной раз надела на меня, чтобы вытянуть в какой-то клуб, я отказался:

- Прости, никак.

- Ну, ты что? Суббота же! Или тебе не хочется со мной быть? Я тебе уже надоела?

Запрограммированы они что ли на подобные выводы?

- Да нет. Просто я совсем пустой.

- А-а, ну это фигня. Вообще ноу проблем. Я сейчас у матери возьму.

- Еще чего!

Препирались минут двадцать, поссорились. Сначала был осадочек, а затем почувствовал – свобода. Потом помирились, конечно, но ссориться стали раз за разом, и это напрягало. Даже задумываться начал: «А нужны ли они мне, эти отношения? Если без них и проще, и спокойнее». Следом пришла и другая мысль: «Может, и вообще отношения не для меня?».

Не всё спокойно оказалось и с одноклассниками.

Во-первых, меня ждал сюрприз – встреча с давним «дружком», Эдиком Лопыревым. Не знаю, как я его не высмотрел

в первый день, зато на следующий мы лоб в лоб столкнулись с ним возле кабинета. Он и не изменился практически. Такой же мелкий, щуплый, а теперь и прыщавый.

Эдик меня узнал и про кражу, наверняка, тоже вспомнил – а то с чего бы у него вдруг так перекосило физиономию?

- Оба-на, Эдик. Так мы теперь одноклассники, выходит?

Он коротко кивнул и попытался проскользнуть мимо.

- А ты куда заторопился? – я оттеснил его от двери, преградив проход рукой. – Что, даже ничего сказать не хочешь своему бывшему лучшему другу?

Лопырев замялся. Видно было, что испугался. Ну, пусть побоится.

- Чего примолк? У твоей мамашки деньги-то больше не пропадали?

Лопырев окончательно потерялся. Шмыгнул носом, и я вспомнил его давнюю привычку, за что его дразнили в нашем дворе.

- Ладно, беги пока, учись, козьявочник.

Во-вторых, просчитался я и с выскочкой. Сперва она казалась мне обычной отличницей-активисткой, какие обязательно найдутся в любом классе, только непомерно инициативной. Но выскочка, ко всему прочему, оказалась еще и предводительницей хомячков. При чем в этом микромире царил нереально жесткий матриархат. Все вокруг нее гуськом ходили и в рот ей заглядывали.

Примерно через месяц после того, как я стал учиться в

новом классе – хотя учиться – это слишком громкое заявление, потому что бывал от силы на двух-трех уроках в день – мы с ней сцепились. Прямо на уроке.

Шла история. Проходили столыпинские реформы. Историчка, она же классная, она же литераторша и, может быть, и еще кто-то – не суть, в общем, о самих реформах не сказала ни слова, ни полслова. Зато почти весь урок с энтузиазмом втирала, какой был Столыпин сатрап и висельник. Послушать ее, так этот злодей только и сделал, что согнал кучу народа с обжитых земель поднимать целину, а тех, кто не горел желанием, без разбору вешал. И перевешал таким образом два миллиона честных тружеников. Бабку бы мою точно разорвало, да и я не утерпел. Минут за пять до звонка подал голос:

- Может, все-таки про реформы хоть что-нибудь скажете?

Историчка осеклась и уставилась на меня, как в поговорке про новые ворота. Потом надулась:

- А я про что весь урок вам рассказываю?

- Ну, точно не про реформы, а про какой-то дикий террор.

- Ну, так оно было потому что.

- Да нифига так не было. Никого силой никуда не гнали. Да это вообще бред.

Она стояла и натурально хлопала глазами. Поэтому я пояснил, немного, сколько помнил из бабкиных рассказов –

она мне плешь проела историей Отчизны. Тут хочешь не хочешь, а запомнишь.

- Переселяли добровольно и не куда-нибудь на Колыму, а в центральные районы, на Урал. Потому что скучковались все вокруг Москвы – ни земли, ни урожая. Причем переселенцам и наделы давали, и деньги на обустройство. А вся эта жесть про миллион повешенных – вообще из другой оперы. Про восстание революционеров почитайте внимательнее.

- Если ты такой умный, может, вместо меня будешь вести уроки?

- Ловко. Нет чтобы получше разобраться в теме, вы предлагаете мне пахать за вас?

Тут и встряла выскочка:

- Никто тебе ничего не предлагает. И вылазить тут со своим мнением тебя тоже никто не просил.

- Молодец, как там тебя, Запеевалова? Отлично подлизнула. Садись, по истории у тебя теперь будет вечная пятерка. И запомни, я свое мнение высказываю тогда, когда хочу, и плевать мне, просят или не просят.

- Да ты...

Но дослушать выскочку не получилось. Прозвенел звонок, и я ушел.

А двумя днями позже выскочка и остальные подловили момент, когда учителя уже не было, а я еще не ушел. Подловили – потому что явно ждали такого шанса: не сговариваясь, облепили со всех сторон. Выступила конечно же вы-

скочка.

- Тебе не кажется, что ты ведешь себя по-свински?

- Да ну?

- Ну, во-первых, не мешало бы познакомиться с нами, и вообще здороваться, когда заходишь в класс.

- Дмитрий Расходников, - произнес я тоном конференса и раскланялся вдобавок.

- Позер, - фыркнула выскочка.

- Тебе что не нравится? Что я не познакомился с вами? Я сказал, как меня зовут. Чего еще надо? Может, проставиться и чаепитие с печенюшками устроить? Наверняка в вашем детском саду ничего крепче чая не пьют.

- А я гляжу, ты – борзый. Знаешь, что у нас с борзыми бывает?

- Могу себе представить, - я рассмеялся, а выскочка разозлилась, аж ноздри растопырила. Жуть!

- Да ты завелась, крошка, - вдруг захотелось позлить ее еще больше. – Ух ты, сколько в тебе пылу! Вон аж уши дымятся. Могу подсказать отличный способ снять напряжение. Я бы и сам тебе помог, да ты не в моем вкусе, слишком... пресная. Так что, адьес, однокласснички. Пора на хаус.

Я взял сумку, двинул локтем долговязого, чтоб посторо-
нился, и направился к выходу. Выскочка прошипела мне в спину:

- Ну, мы тебе устроим... прописку в детском садике.

25. Таня

Я в ужасе – Запевалова вышла на тропу войны. Она так и сказала: «Поплатится у меня этот Расходников за свой длинный язык». А мне прекрасно известно, что у нее значит это «поплатится».

А ведь изначально она говорила, что трогать Диму не будем. Даже внимание обращать. Будто он – пустое место. В общем, полный игнор. И он, мол, почувствует себя отверженным, и мы ничего не нарушим. Все-таки, как позже признала Запевалова, в истории с Волковой и Майей мы ходили по краю, и нам крупно повезло, что вся правда так и не всплыла.

- Был риск, да, - говорила Женька. – Зато как приятно мстить! И какой адреналин! А новенький... ну, пусть живет пока. Ограничимся игнором, чтобы все-таки не слишком уютно ему жилось.

С Димой никто не разговаривал, не знакомился, даже не здоровался. Только Диму, по-моему, такое положение вещей абсолютно устраивало. Он и сам ни с кем из наших не рвался общаться и всем своим видом демонстрировал наплевательское отношение к новому классу, урокам, учителям.

Запевалову это, конечно, бесило – как же так? Ей в рот не смотрят, на ее мнение чихают! Но она старалась держаться так, будто все в порядке. Правда, Жанка Корчагина пред-

положила, что Запевалова тоже не ровно дышит к Диме, потому и не гнобит. Но мне не верится. По-моему, Женька в принципе не способна в кого-то влюбиться. У нее и сердца-то нет.

Но то, что она к Диме не цеплялась, было действительно как-то непохоже на нее. А потом Эдик Лопырев нас всех огорошил, заявив, что знает Диму, причем с детства. Мы тут же принялись его расспрашивать.

- Мы с ним раньше в одном дворе жили, - сказал Лопырев. - Даже друзьями были. Моя мамка ему шмотки отдавала, подкармливала из жалости. У него же самого мать – алкашка и бичиха. Да! Вы не знали? А отца вообще в помине никогда не было. Ну а потом этот урод взял и спёр у нас деньги. Батя машину новую брать хотел, бабки дома держал, не прятал. Мы же не думали, что он после всего может нас обокрасть. Мало того, он еще и всем во дворе растрепал, будто он не при делах, будто это я взял. Ага, сам у себя. Ненавижу уроды!

Мы, конечно, были ошарашены, особенно я. Уж как-то совсем не вязался Димин образ с этой историей. Не похож он на подлого, мелкого воришку, который тащит чужое втихари. Но остальные поверили, Запевалова так вообще вся презрением прониклась.

- Ну, вот. Только крысы нам тут не хватало! – процедила она.

Когда Димы не было в классе, его обсуждали наперебой: и

про мать-пьяницу, и про то, что он за Лопыревым вещи донашивал, и про то, как он обокрал их. Это было невыносимо слушать, но рты ведь им не заткнешь.

И почему они все так безоговорочно поверили Лопыреву? Неужели никто не видит, что Дима не такой. Но Эдик на этом не успокоился и стал чуть ли ни каждый день подзуживать Запевалову на более жесткие меры.

- Мы ведь избавились от Волковой, а Расходников гораздо хуже, - доставал Лопырев. – Он ведь и у нас может что-нибудь украсть. Оно нам надо?

В такие моменты я его ненавидела, мы даже пару раз схлестнулись.

- Что ты к нему привязался?

- А ты чего его защищаешь? У меня, между прочим, причина есть – он нас обокрал.

- Это ты так говоришь.

- То есть ты хочешь сказать, что я вру? – вспыхнул Лопырев и тут же заныл:

- Женька, она сказала, что я наврал про Расходникова.

- Успокойся, Эдичка. Главное, я тебе верю, - проворковала Запевалова, бросив на меня быстрый, но колючий взгляд.

- И я тебе верю, Эдик, - тут же подхватила Лукьянчикова - предательница. И меня же еще посмела обвинить:

- А тебе, Таня, стыдно, должно быть в своих друзьях сомневаться.

Как же злорадно посмотрел на меня Лопырев! Наверное, в

тот момент я окончательно для себя решила, что эту историю от и до он сочинил сам. Только вот зачем?

Ну а Лопырев, получив всеобщее одобрение, вновь принялся за старую песню:

- Давайте отомстим Расходникову. А лучше вообще его выживем из нашего класса.

Поначалу Женька все равно отмахивалась от его нытья, мол, «руки марать об это ничтожество не хочется». Но Лопырев не унимался:

- Конечно, Волкова же лично тебе насолила, а этот козел Расходников – только мне. Это называется дружба? Общие интересы? Плевать тебе на друзей!

- Э-эй. Ты давай, попридержи-ка язык, а то сейчас договоришься. Ладно. Побеседуем с твоим бывшим дружкой. Только раньше времени не радуйся. Пока только почву прощупаем, а там поглядим.

Уже тогда я поняла, что ничего хорошего из этой «беседы» не получится и молилась, чтобы Запевалова забыла о своих словах. Так вполне могло случиться, потому что отчасти Лопырев был прав: Женька не переносит лишь то, что касается непосредственно ее. Но Дима вскоре и сам дал повод. И еще какой!

Он нахамил ей при всем классе, прямо во время урока. Но, если честно, Женька его и спровоцировала. Он всего лишь поправил Тамару Ивановну. Впрочем, как поправил? Утер ей нос! А я и подумать не могла, что он такой умный и

знает историю. Но Тамара Ивановна оскорбилась, а Женька решила заступиться за свою «любимую» учительницу и получила в итоге от него по лбу, образно говоря.

А дальше – еще хуже. Когда Запевалова решила выяснить с ним отношения, Дима снова ей нагрубил, обозвал пресной. Можно сказать, публично опозорил. А зная натуру Запеваловой, я на двести процентов уверена, что она ни за что ему этого не простит. У Запеваловой ведь мания величия, помноженная на патологическую мстительность. Дима же выступил против нее при всех, значит, и наказание Женька придумает такое, чтобы все видели и знали, каково это – с ней ссориться, а тем более оскорблять ее.

К тому же я заметила, что некоторые, например, Умрихин, в тот момент едва сдержали смехок. Не знаю, засекла ли она, но и без того, боюсь, Дима наговорил себе на «смертную казнь». Так оно и получилось. Оскорбленная Запевалова жаждала расквитаться с ним.

Первый план был такой: заманить Диму за школу, а там уж по обычной схеме – надавать пинков и по домам.

- А как его заманить? – недоумевали в классе.
- Ну, он же у нас типа смелый парень. Так что особой проблемы здесь не вижу. Скажем, чтобы сам туда пришел, если не боится.
- Думаешь, придет? – спросил мерзкий Лопырев.

- Почти уверена. Знаю я таких, любителей покрасоваться.
- А если он с собой кого-нибудь приведет?
- Мы ведь не заранее скажем, а в последний момент. А здесь он еще, по-моему, никого не знает. Кроме Манцур, конечно. Представляю, если он потащит ее на разборки. Вот смеху-то будет.

- Ага! Кинется и грудью любимого прикроет.

Все принялись нести всякую чушь про Диму и его подружку, кривляться, хохотать, а мне было не до смеха. До последнего я надеялась, что все обойдется. И теперь просто земля из-под ног уходила. А что если у них всё получится, если они допекут Диму и он уйдет от нас? Остальные же ушли. А без него... да я просто жить не смогу.

Запевалова сообщила Диме, что весь класс будет ждать его за школой после уроков. Она три дня караулила момент, чтобы объявить ему «решение класса», потому что Дима в лучшем случае приходит и уходит со звонком, а на перемене он либо с Манцур, либо с парнями из одиннадцатого класса ходит курить. А тут на уроке литературы в класс кто-то заглянул и вызвал Тамару Ивановну. Запевалова конечно же не могла не воспользоваться такой возможностью.

Женькины слова Дима выслушал без эмоций. Посмотрел на нее, как на полную дуру и даже усмехнулся снисходительно, а на всех оставшихся уроках вел себя абсолютно невоз-

мутимо. Зато я нервничала так, что на месте не сиделось. Два или три раза ответила невпопад, впрочем, в последнее время это со мной случается нередко.

Я по-настоящему боялась за Диму и, кажется, всё бы отдала, чтоб только его не трогали. Но когда завела разговор, не оставить ли нам его в покое, Запевалова столько мне всего наговорила, что стало ясно, таким образом я и его не спасу, и себя потоплю. На себя-то плевать. Или не плевать? Ведь я боюсь выступить против Запеваловой. Боюсь чуть не до обморока, то ли ее саму, то ли травли, на которую она так запросто может подбить весь класс.

После школы мы всем скопом собрались в условленном месте и... прождали его целый час понапрасну. Он не явился! Неужели он действительно струсил?

С одной стороны, я испытала немыслимое облегчение, даже ликование, но с другой, почувствовала легкий укол разочарования. Как-то не хотелось думать, что вся его смелость и независимость – это всего лишь навсего позерство – а именно такой вывод сделала Запевалова:

- Ха-ха, вот наш герой – во всей красе. Переоценила я его. Он – обычный трус с клоунскими замашками. Поди уже дома штанишки сушит.

Не солоно хлебавши, мы разбрелись по домам. Лопырев брызгал слюной от досады. А Запевалова сказала:

- Не заводись, Эдик. Тем хуже для него. Наказания ведь ему все равно не избежать, только разозлил нас еще больше.

Ну, ничего, я придумаю, как сделать так, чтобы наша встреча состоялась.

Прошла неделя, другая, третья. Ровным счетом ничего не происходило, да и Запевалова молчала. Единственное – на следующий день после не состоявшихся разборок с Димой на доске появилась надпись – «Расходников – жалкий трус».

Дима не смутился, не психанул. Он только снова усмехнулся и чуть заметно качнул головой, мол, ну и придурки. Зато Тамара Ивановна раскипятилась, велела Диме стереть надпись, но тот отказался:

- Кто писал, тот пусть и стирает.

Выяснить, кто писал, у нее не получилось – все молчали или отпирались, и стирать слова позора пришлось Лукьянчиковой, как дежурной по классу. Ну а Дима хмыкнул и сказал не кому-нибудь, а именно Запеваловой:

- В следующий раз краской пиши.

Ну а больше никаких инцидентов не было, хотя я все равно жила в постоянном напряжении и страхе, прекрасно осознавая, что Запевалова никому ничего никогда не спускает, и этого всего лишь затишье перед бурей.

26. Дима

Всё чаще лезут мысли: я сделал себя таким, каким хотел быть или казаться. Но это не настоящий я, а какой настоящий – теперь уже не докопаться. Привычка – вторая натура – в моем случае стала первой. Образ, слепленный из разрозненных черт любимых героев любимых книг, захватил меня целиком.

В свое время я поглощал книжку за книжкой, думаю, по большей части потому, что иных развлечений у меня попросту не имелось. Телевизор, компьютер да, черт побери, банальная машинка – об этом ребенком и мечтать не смел.

Мать со мной тоже не особо разговаривала. А улица, хоть и стала для меня чуть не центром вселенной, заполнить от и до мою жизнь не могла. Недостаток общения я компенсировал неумным, жадным чтением, без разбора. Оттого поначалу в голове была каша.

Я не все понимал, не все принимал, а то, что принимал, истолковывал очень по-своему, под себя. Иногда искал в книгах оправдание своим поступкам, иногда находил черты, которые казались мне безумно привлекательными. В воображении возник некий собирательный образ – мой кумир, которому я на первых порах пытался подражать, пока не сросся с ним совсем. И кумиром для меня был не Д'Артаньян, не Дон Кихот, ну или кем там грезят стать излишне мечта-

тельные мальчишки.

Мой же герой взял от всех понемногу: бесстрашие и жесткость у капитана Ларсена, скептицизм и насмешливость у лорда Генри, твердость у Глеба Жеглова и тэ дэ, и тэ пэ. Вообще же, отметил за собой такую особенность: в книгах зачастую я испытывал симпатию к тем персонажам, которых принято называть антагонистами. То есть к тем, что всю дорогу чинят препоны до мозга костей положительному главному герою. В основном, с этих злодеев я и надергал понемногу того-другого-третьего, пока в моем сознании не получился идеальный объект для подражания.

Может, все это и глупость, вернее, конечно же глупость, но! Маленький я, добрый и скромный, никому нафиг не был нужен. Однако, чем сильнее я ожесточался, тем больше ко мне тянулись сверстники. Парадокс.

Мне нравилось да и, признаться, сейчас нравится быть независимым, холодным, где-то даже циничным. Мне нравилось смотреть на людей свысока, плевать на общество и при этом тешить себя мыслью, что я-то не такой как все, особенный. Даже лучшего друга, Костю Бахметьева, к которому был искренне привязан, я считал недалеким, если не сказать туповатым. Про остальных вообще молчу.

Впрочем, свои суждения вслух не высказывал, не потому что боялся обидеть Костяна или, тем более, кого-то еще (подобная щепетильность мне, в принципе, чужда), просто в моем окружении слыть умником или даже просто начитан-

ным, скажем так, не особо почетно. Вот навалить кому-то – это другое дело, это герой. А я, недолюбленный и так часто отвергаемый в детстве, жаждал... нет, не любви – любовь мне и даром не нужна, сомневаюсь, что она вообще существует... я жаждал признания. И эта страсть быть признанным трансформировалась в совершенно искаженные формы.

Долгое время я оставался чрезвычайно доволен собой. Мне льстило, что в любом споре могу поставить точку, неважно – словом или кулаком. Льстило, что все рвались со мной общаться, набивались в друзья, хотя сам эту «дружбу» и в грош не ставил. Льстило, что сегодня мог буквально с грязью смешать человека, а завтра он первый протягивал мне руку, искательно заглядывал в глаза и трепетал от радости, если я вяло отвечу на приветствие.

Я мог сказать что угодно и кому угодно, и сам же ловил от этого кайф. Но всё это было в той жизни, в той школе. Да и было ли? Не припомню, чтобы хоть кто-то из них встал на мою защиту, когда Грин решил меня выпнуть.

Всё было фальшивым. А в первую очередь – я сам.

Вообще-то в самокопание я неожиданно ударился совсем не потому, что стал до фига мудрым или честным, не собирался и меняться. Да и моралфагов на дух не переношу.

Просто та нечаянная встреча с матерью что-то во мне всколыхнула. Как бы взглянул на себя со стороны. И сам себе не понравился. Сытый, довольный, живу припеваючи, а о

матери напрочь забыл, словно вычеркнул. А она наверняка живет впроголодь, глушит и не водку-то даже, а какую-нибудь жуткую бормотуху.

А ее вид! Матери ведь едва за тридцать, а дашь все пятьдесят, а то и шестьдесят, половину из которых она как будто бомжевала.

Еще несколько месяцев назад, когда бабка забирала меня к себе, мать была не в таком кошмарном состоянии, хотя уже тогда кубарем катилась под горку. Понятно, что это ее выбор. Так бабка повторяет.

У нее как-то безболезненно получилось откреститься от своей непутевой дочери и кроме как по-плохому она ее и не вспоминает. Хотя квартплату за мать она добросовестно вносит, впрочем, это, скорее всего, не забота, а предосторожность – как бы квартира не уплыла из семьи за долги.

Поначалу я тоже не забивал голову подобными вопросами. Последнее же время меня постоянно грызло ощущение, что я поступил с матерью как законченный урод. Вернее, нет, не постоянно, а как раз таки время от времени.

После того нападения малолеток я подсобирал кое-какие деньжата, купил нормальных продуктов, приехал к ней. Наш дом, и прежде-то не дворец, стал настоящей клоакой. Застарелая грязь, копоть на обоях, потолке, тошнотворная вонь, повсюду – груды пустых бутылок, ворох бычков. Хотел взглянуть на свою комнату, но она оказалась запертой.

Подумал, может, мать ее кому-то сдает. В конце концов,

на какие шиши она существует или вон хотя бы пьет? Ее саму я нашел на диване в большой комнате – именно нашел, потому что среди бесформенной кучи грязного белья тощую фигурку разглядеть было непросто.

Мертвецки пьяная, мать крепко спала. На кухне при этом обнаружились каких-то два пьяных гоблина. Сидели за обгаженным донельзя столом, точнее, не сидели, а держались из последних сил.

Даже выяснять не стал, кто такие и какого здесь торчат, выволок обоих за дверь. Пообещал им устроить тепель-тапель, если еще раз сунутся. Но, боюсь, назавтра мои угрозы гоблины даже не вспомнили, в таком состоянии мемори фэйл – обычное дело.

Превозмогая омерзение, убрал кухонный стол, вымыл посуду, подмел, вынес мусор, сварил макароны. Распахнул оба окна да пошире в надежде, что морозный воздух выгонят этот жуткий духан. Вроде посвежело, но стоило окна закрыть, как вонь опять поползла из всех щелей.

Проснулась мать. Моему появлению не удивилась, не обрадовалась, вообще эмоций – ноль. Глаза невидящие, осоловелые, саму из стороны в сторону шатает. Усадил ее поесть. Жевала она вяло, приходилось подпинывать. На мало-мальский порядок в доме не обратила никакого внимания.

Собственно, мне было все равно, не ради спасибо я туда пришел, но подивился: неужели ей совсем плевать, что во-

круг творится. Устав ковыряться вилкой, она принялась таскать макаронины из тарелки прямо пальцами. Защипнет – и в рот.

Пожалуй, этот момент ужаснул меня сильнее, чем отвратительная вонь и грязь, чем ее быдлоподобные гости и груды бутылок, да вообще всё вместе. Для меня как бы прозвучало неожиданно и ясно, что от матери моей, той которой всегда знал, ни осталось ровным счетом ничего. Это вообще был не человек.

Потом вдруг она спросила, словно очнулась, куда подевались ее дружки, а узнав, что я их выгнал, подняла хай. Я психанул, послал ее к черту и ушел с твердым намерением никогда больше не возвращаться и вообще забыть про мать.

Где-то через неделю она позвонила, а я, как идиот, сбросил. А она, оказывается, звонила из больницы. Об этом я узнал позже от Костика Бахметьева:

- Димон, ты хоть знаешь, что мать твоя в больнице лежит?
- Я напрягся.
- Не знаю.
- Моя мамка к ней ходила раза два.
- Что с ней?
- У нее... это... вроде опухоль...

27. Дима

Мать я еле узнал. Она и прежде-то была худющей, теперь совсем иссохлась и превратилась в крохотную старушку.

Неподвижное, безжизненное тельце на узкой больничной койке. Она лежала с закрытыми глазами, но не похоже, что спала. Голова ее отчего-то была резко запрокинута назад так, что вверх торчал острый и узкий подбородок. Казалось, каждая мышца ее напряжена до предела.

Я легонько коснулся пальцами ее плеча, тихо позвал: «Мама». К моему удивлению, она тотчас отреагировала. Мелко задрожала, словно высвобождаясь от сковавшего ее напряжения, и только потом расслабилась и разомкнула веки.

Увидев меня, мать оживилась – шевельнула пальцами, даже слегка улыбнулась. По впалым щекам покатились слеза.

Я не знал, что сказать. Просто стоял и смотрел. Не помню даже, думал ли о чем-нибудь в тот момент. Ничего не помню, кроме замешательства и смятения.

Она пыталась что-то сказать, шевеля сухими, потрескавшимися губами. Но получалось только: «П-п-п-п». Какая-то тетка, тоже посетительница, предположила:

- Может, просит подушку поправить или повернуть ее. Их же тут, знаешь, не переворачивают, как положат, так и лежат.

Повернуть! Да я прикоснуться к матери боялся, такой она

мне казалась хрупкой, немошной. Но затем все же аккуратно и потихоньку сдвинул ее чуть в сторону, расправил, как мог, постель, малость взбил плоскую, точно блин подушку. Мать улыбнулась.

Та же тетка посоветовала мне купить коньячок для лечащего врача, но денег с собой было только на большую шоколадку. Ее я и купил в прибольничном киоске. Отдал дежурной медсестре, чтобы лучше приглядывала за матерью. С врачом тоже поговорил. Нашел его в ординаторской, где тот одновременно жевал бутерброд и что-то печатал одним пальцем.

- Операция прошла успешно, - сообщил он мне. – Матери твоей повезло: опухоль в капсуле была. Третий желудок мы удалили. Не смотри так, это, можно сказать, рядовой случай. Люди вон живут и при полном удалении. Метастазов у нее нет – это главное. Химию делать не надо. Но вообще...

Он прервался, дожевывая свой бутерброд, только потом продолжил.

- Ни поесть, ни поспать, ни присесть, - пожаловался. – Буквально на коленке обедать приходится. И это еще у нас не операционный день сегодня.

Я кивнул, мол, согласен, сочувствую, но:

- Да-да, понимаю, а что вообще?

- М-м?

- Вы про мать мою говорили.

- А-а. Вообще... запустила себя твоя мамка. Развалина со-

всем. Сейчас если выкарабкается, чтобы ни-ни, - он щелкнул себя по шее. - Ясно?

Спустя несколько дней мать перевели из блока интенсивной терапии в обычную палату. Я был рад, насколько вообще можно радоваться при подобных обстоятельствах.

Палата была ужасной. Нет, стены как стены, не в том дело. Убивало окружение. В палате лежало человек восемь, а, может, и больше, я старался особо не смотреть по сторонам. Но, скажу так, это не те больные, которые как в «Интернах», точат апельсины, решают кроссворды и травят друг другу анекдоты.

Здесь все кряхтели, стонали, заходились в кашле, корчились от боли. Раньше слышал такое выражение: «витают дух смерти» и считал, что оно полностью образное, то есть говорится так, для красного словца. Но здесь, как нигде, я реально почувствовал присутствие смерти, хоть и невидимое, но такое явное, будто она нависла над всеми этими несчастными, гадая, кого бы прихватить следующим.

Вполне вероятно, что у меня всего лишь разыгралось воображение, но на уровне инстинкта хотелось гнать оттуда без оглядки.

Нет, я, конечно, все равно приходил каждый день, хоть и старался особенно не засиживаться, даже к концу недели постепенно стал привыкать ко всем этим хрипам-стонам-вскрикам. К тому же некоторые вполне себе держались бодрячком. А в одно из посещений заметил, что соседняя с

матерью койка опустела. Женщина, что там лежала, по словам матери, умерла еще ночью, но увезли ее только утром.

Я решил забрать мать домой. Она обрадовалась, даже повеселела, вот только к бабке ехать отказалась наотрез.

- В принципе, я и сам думал ее вскоре выписывать. У нас, сами понимаете, с местами напряженка, - сказал врач. - А она потихоньку придет в норму, дома даже быстрее. Осложнений быть не должно, так что... Единственное, после резекции желудка надо соблюдать строгую диету. Ну, это всё я в выписке укажу.

- А сколько? - не смог я произнести до конца вопрос, который терзал меня с того момента, как узнал о болезни матери.

Но врач и сам догадался.

- Что, сколько? Проживет? Ну, это от нее зависит. Будет и дальше пить, махом загнется. А будет соблюдать рекомендации, так еще поживет. Я знаю полно похожих случаев, где и двадцать, и тридцать лет жили практически полноценной жизнью.

Перед тем, как привезти мать, я снова наведалься в нашу квартиру, которая опять напоминала, что угодно - кельдым, притон, помойку, только не место, где люди живут. Убил день, чтобы всё выгрести и вычистить. Материл мать на чем свет стоит.

Потом все же решил взглянуть, во что превратилась моя

комната. Ключа не нашел, поэтому дверь пришлось высадить. И обомлел.

Тут не просто оказалось более-менее чисто. Всё сохранилось точь-в-точь так, как было при мне. Кровать, стол, стеллаж с книгами, под кроватью – гири. Даже бумбокс не тронула, который я купил после пятого класса на собственные кровные – пол-лета с Костиком подрабатывали в овощном магазине. И диски все на месте.

Не ожидал...

- Димка, чего тебе каждый день ко мне бегать? – спросила мать. – Живи здесь. В твоей комнате никто ничего не трогал, даже не заходил. А то мотаешься в такую даль. Смотри, какой худой стал.

Но вернуться к матери я не мог. Бабка в последнее время тоже маялась то с сердцем, то с давлением. А, опасаясь, что я все-таки перееду от нее, и вовсе расклеилась. Вот и приходилось метаться туда-сюда: утром в школу, потом домой к бабке, потом к матери (а это полтора часа в один конец и две пересадки), вечером назад.

В общем, хоть разорвись. Еще и Анита психовала, мол, забросил ее совсем, видимся только на переменах и чуть-чуть после учебы.

Мы и правда с ней стали встречаться гораздо реже. Вер-

нее, встречались-то, конечно, ежедневно, в школе, на переменах, после занятий, пока я ее провожал домой. Но вот вечерние наши гулянья пришлось отменить, что ей совершенно не нравилось.

Причем поначалу она отнеслась вроде как с пониманием, ахала: «Бедный Дима! Бедная твоя мама!».

Потом же все сильнее и сильнее раздражалась, злилась, обижалась. И никак до нее не доходило, что у меня реально нет свободного времени. Ссорились вообще постоянно. То есть ссорилась она, практически без моего участия.

Я только скажу: «Нет, сегодня не могу. Да, опять не могу».

И всё, понеслось: «Ты только и делаешь, что разные поводы ищешь, чтобы никуда со мной не ходить! В прошлом месяце у тебя то денег не было, то бабушка болела, то еще какая-нибудь фигня. Теперь у тебя каждый день одно и то же – мама, мама, мама... Сколько можно?! Ты – такой молодец у нас, обо всех заботишься, а я все время побоку. Ты вчера меня даже с днем Святого Валентина забыл поздравить! Тебе вообще на меня плевать. А мне что же, прикажешь, дома сидеть как дуре, дожидаться, когда ты соизволишь вспомнить про меня. Ну уж нет! Я не косая, кривая уродина. Тебе ничего не надо, найдутся и другие».

«Да, пожалуйста», - отвечал ей.

Ну а что тут скажешь?

Правда, на другой день мы опять мирились. Анита подойдет, улыбнется своей коронной улыбочкой: «Я там тебе вче-

ра лишнего сказала, сорри. Мир?». Неделя в таком режиме – и я вообще перестал реагировать на ее слова.

Бабка тоже ворчала:

- Мамаша твоя – живучая, как кошка. Ничего с ней не случится. Сразу не загнулась, а теперь и подавно оклемается. Так что нечего к ней бегать каждый день. А то опять из школы вылетишь за прогулы да за двойки. Учти, я такого позора второй раз не переживу. У меня и так моторчик сдает.

Всей правды бабка не знала. Я наврал ей, что у матери язва. Не хотел тревожить из-за «моторчика». Может, и зря. Тогда бы она наверняка не была столь категорична и к матери бы отнеслась добрее. Хотя кто их разберет...

Ну а на школу мне и правда было наплевать. Ходил только поприблизиться и то выборочно. Но так наверняка было бы и при любых других обстоятельствах. Однако, раз уж бабка мое пофигистское отношение к учебе списывала на излишнюю заботу о больной матери, почему бы не воспользоваться. В конце концов, такой мотив выглядит более благородно, чем банальная лень.

- Не бегал бы, - огрызался я. – Если бы вы общались с матерью, как все нормальные люди.

На этом бабка заводилась и вываливала на меня все свои многолетние обиды.

- Да, знаешь ли ты, что твоя мать вытворяла, когда была даже младше тебя? Деньги у меня из кошелька таскала. Могла всю ночь где-то шататься, а под утро пьяной при-

ти. В пятнадцать лет из дома сбежала. Я бегала ее искала по всяким притонам. Морги, больницы обзвонила. А оказалось, она у взрослого мужика все эти дни преспокойно жила. А я ведь всё для нее делала. С институтом договорилась бы. Думала после школы к нам пойдет, выучится, специальность хорошую получит. Но нет, лучше перед пьяными задом крутить! А когда моя мать умерла, и ей свою квартиру оставила, думаешь, что она сделала? Выгнала меня! Я пришла к ней поговорить. А она чуть с лестницы не спустила родную мать, матами орала на весь подъезд. Никогда, до самой смерти не забуду этот срам.

Послушаешь бабуку, так мать и точно была оторвой, но... Хотелось чем-то возразить, а нечем. Потому и продолжал бегать меж двух домов... меж двух огней – мать тоже любила бабкины косточки перемыть. Тем более у нее на руках такой козырь был: бабка меня не хотела.

- Отняла у меня сына, старая ведьма. Вцепилась когтями. Привязала к себе своими болячками. Не удивлюсь, если она всё придумала. А сама же против ребеночка была. Всё помню, как сюда прибежала, как требовала, чтобы я на аборт шла. И такое меня зло взяло, что прогнала ее. А теперь ты ей вдруг понадобился. Поди боится на старости лет одна остаться. стакан воды и всякое такое... Ты смотри, Димка, она сначала пирожками кормит, а потом заставляет плясать под свою дудку. В свой задрипанный институт она тебя еще не заманивала?

Вся эта беготня и их взаимные нападки замотали меня вконец. Одно хорошо, мать действительно шла на поправку на удивление быстро.

28. Таня

С прошлого года так повелось, что выходные мы проводили вместе с Ольгой, Женькой, Антоном и Эдиком. Это была инициатива Запеваловой. Ей вообще дома не сиделось, и нас следом за собой всюду вытягивала.

Обычно мы ходили в кафе Лопырева-старшего. Но тот, видимо, подсчитал доходы-расходы и запретил Эдику водить туда друзей – мы ведь там не платили. Не из наглости, Эдик сам так захотел, да нам и счет не выставляли.

Но в этом году лавочка прикрылась, и чаще всего стали собираться у Ольги Лукьянчиковой. Мать у нее вечно в делах, отца не было и нет, так что квартира почти всегда пустует. К тому же Ольга умеет готовить, не так, конечно, вкусно, как, например, моя мама, но тоже ничего. Иногда, а, точнее, пару раз, она доставала из закров своей матери вино.

Мы с Женькой даже пробовать не захотели, а Ольга и мальчишки оба раза не только пробовали, но и хорошенько подпивали. И вели себя потом по-дурацки. Бородин становился чересчур разговорчивым и доставал своей заумной болтовней на темы, которые никому не интересны. Вроде того: «Вы представляете, на Марсе обнаружили в почве уникальное вещество. Провели анализы и оказалось, что это сплав! Это ведь доказывает, что некогда там существовала жизнь! И не просто жизнь. Там была цивилизация! Это же

так интересно! Я фанатею, когда думаю об этом».

Бородин вообще сдвинут на фантастике, космосе и прочей ерунде и думает, наверное, что другие тоже должны восторгаться. Правда, обычно он держит себя в руках и не навязывается, но вот выпьет чуть и начинается: миры, галактики, роботы, сверхлюди... Тоска! Причем оба раза как будто персонально мне рассказывал, что и не слушать вроде как было неудобно.

Лопырев (впрочем, с ним-то как раз ничего необычного не было) хвастался новыми шмотками, навороченными гаджетами и прочей ерундой – можно подумать, мы сами из леса вышли и ничего такого в жизни не видели.

Но вот кто действительно выдавал фокусы – так это Ольга. Она прямо липла к Бородину! Слушала его занудные речи и млела. А то вдруг прижималась к нему или наглаживала. Потом, на другой день мы с Женькой ее подкалывали, но она категорически отрицала, что приставала к Антону. Говорила, что даже в мыслях ничего подобного не было, что она просто «общалась».

Бородин смущался ничуть не меньше и с тех пор, по-моему, придумывал разные отговорки, только чтобы к Ольге не идти.

Я тоже была не в большом восторге от этих посиделок у Лукьянчиковой и прежде, и теперь. Теперь – особенно. Мне и в школе общества Запеваловой хватало за глаза, и совсем не хотелось тратить на нее еще и единственный в неделю вы-

ходной. Поэтому я, как и Бородин, в последнее время находила всевозможные отговорки, только чтобы остаться дома.

С появлением Димы мне действительно лишний раз из дома выходить не хочется. Почему – не знаю. А уж тем более проводить время в компании, где к нему относятся так враждебно и говорят о Диме только гадости.

В минувшее воскресенье, когда я вновь отказалась, Женька даже вскипела, но я все равно не поддалась. Зато в эти выходные отвертеться уже не удалось – Запевалова настояла, чтобы мы все обязательно пришли к Ольге.

Вечером позвонил Бородин, спросил, пойду ли я. Сказала, что да, видимо, придется. Бородин понимающе усмехнулся и ответил, что тогда и он пойдет. Раньше я бы весь вечер думала, почему он так сказал, словно готов идти туда только из-за меня. А теперь мне было плевать. У меня пробуждало интерес лишь то, что имело хоть какое-то отношение к Диме, ну а все остальное вообще нисколько не волновало.

К Лукьянчиковой шла с нулевым настроением. Хотя теперь это мое обычное состояние. А она, между тем, приготовилась так, будто у нас какой-то праздник намечился – салатики, бутерброды с икрой, мясо, фрукты. Прямо пир горой. И сама принарядилась, накрутила кудри, накрасилась. Не то что я. Когда мне на душе плохо, я даже в зеркало на себя боюсь смотреть. Хотя здесь и не для кого стараться выглядеть хорошо.

Я пришла первой, немного раньше, чем условились. Оль-

га наносила последние штрихи. К вечернему платью надела туфли на каблуках, на мой взгляд, это было лишним и на вид – ей не шло, и вообще – к чему столько шика для обычных воскресных посиделок? Ольга, наверное заметив мое кислое выражение, спросила:

- Ну, как?

- Отлично, - соврала я.

- Правда? – еще и на каблуках крутанулась.

- Вообще супер, - заверила ее.

Я знаю поговорку – горькая правда лучше сладкой лжи, но это в теории. А в жизни мне всегда очень сложно говорить человеку эту самую горькую правду, потому что боюсь сделать больно, расстроить, обидеть.

Я сама остро переживаю, когда слышу неприятные вещи о себе, хоть и не так уж часто. Поэтому даже когда приходится быть откровенной, выбираю расплывчатые фразы, а то и вообще уклоняюсь от ответа. Что говорить, я даже мамины рыбные котлеты хвалю, хотя ем их буквально через силу, а если она не видит, то выбрасываю. И все равно хвалю. А как сказать подруге в глаза, что у нее короткие, толстые ноги, которые в туфлях на длинном, тонюсеньком каблуке смотрятся просто ужасно?

Потом Ольга спросила как-то вкрадчиво:

- Тань, а ты не знаешь, Антон придет сегодня или нет.

- Придет, - сказала я.

- Он тебе сам сказал, или ты так думаешь?

- Сам сказал.

Она, похоже, хотела еще что-то выяснить насчет Бородинана, но тут нарисовался Лопырев. Принес бутылку красного вина. Не преминул хвастануть, что вино дорогущее. Как всегда, в своем репертуаре. Почему только это его постоянное хвастовство Запевалова терпит – не пойму.

Неужели для нее всего важнее то, что он всегда на задних лапках перед ней выплясывает и во всем, не задумываясь, соглашается? Тогда на что я ей сдалась, когда полкласса будут так же ей в рот смотреть и радоваться при этом.

Антон Бородин явился минута в минуту как договаривались, а вот до тошноты пунктуальная Запевалова – почти на полчаса позже. Опоздай кто из нас хоть на десять минут, непременно бы изворчалась вся, а как сама – так даже извиниться не подумала.

Ну а мы сидели, покорно ждали, голодными глазами смотрели на угощение. И никто не вякнул, только Бородин раз за разом смотрел на часы. Но при этом не с тем нетерпеливым выражением лица, какое бывает, когда ждешь и ждать надоело. Наоборот, он взглянет и улыбнется нам, чуть ли не извиняющейся улыбкой, мол, я не тороплюсь, не нервничаю, это просто так.

И как я могла когда-то находить его общество приятным! Такой же трус и подлиза, как остальные.

29. Таня

Лукиянчикова и Лопырев вообще ничем не выражали нетерпение. Я же еле сдерживалась. Мне хотелось послать всех и уйти домой. Ну, или как минимум, высказаться, что меня достало уже ждать, когда наша «королева» явится. И высказалась бы, если б не стопроцентная уверенность, что Эдик с Ольгой тотчас все доложат Запеваловой.

Сразу вспомнился случай: мы тогда в третьем классе еще учились. Дети совсем. И одна девочка, она уже ушла из нашей школы, не очень хорошо отзывалась о Женьке. За глаза. Точно я не помню ее слова, но вроде как характер у Женьки противный.

Кто-то из девчонок конечно же донес. И Женька после уроков буквально выкупала беднягу в грязи. Толкала ее в лужу, та падала, выкарабкивалась, и Женька снова и снова ее толкала.

Правда, в те годы мы еще не были помешаны на круговой поруке, и пожаловаться для нас не значило «стучать» и «предавать».

Девчонка и пожаловалась. Мама ее прибежала в школу, бу-чу подняла. К тому же, Женька, так получилось, еще и учебники ей испортила.

В общем, был скандал по этому поводу. В классе, прямо на уроке учительница заставила Запевалову извиниться пе-

ред той девочкой.

Женька извинилась, но потом все равно ее допекала и класс против нее настроила. В лужу, конечно, больше не толкала, но все время высмеивала и обзывалась, а мы поддерживали. А ведь если бы тогда ее не поддерживали, может быть, сейчас бы она не стала таким монстром. Может быть...

Запевалова, когда, наконец, заявила, выглядела взбужденной и, вместе с тем, решительной, как будто вот-вот крикнет: «В атаку! За мной!». Ей бы еще папаху с красной звездочкой и в руки шашку. Но она молча плюхнулась на диван рядом с Лопыревым, не замечая моего недовольства, которого я даже не думала скрывать. Наоборот, спросить ее хотела, почему она так опоздала, но тут Запевалова выдала:

- Ну, вы, наверное, поняли, кто у нас сегодня тема дня.
- Расходников? – спросил сразу повеселевший Лопырев.
- Пять баллов за догадливость, - улыбнулась Запевалова.

Она явно была в настроении, я же совсем упала духом. Конечно, предполагала, что в голове Запеваловой рано или поздно созреет очередной дикий план, как отомстить Диме, но все же надеялась... И эти ее слова буквально застали меня врасплох. Я замерла, в панике ожидая продолжения.

- Ты придумала, как избавиться от Расходникова?
- Ну... избавиться не избавиться, а наказать точно.
- Говори!
- Что-то ты такой нетерпеливый. Подожди, дай дух перевести. Не хочу в спешке рассказывать. Ольчик, подай вон тот

салатик.

Ольга привстала и подала Женьке чашку с салатом, хотя Запевалова вполне могла и сама дотянуться. Вместо «спасибо» она, бросив на Ольгино платье и прическу критичный взгляд, сказала:

- О-о, Лукьянчикова, это ты для кого так вырядилась? Расфуфырилась вся, намалевалась.

Ольга мгновенно налилась краской.

- Для нас, - заявил Лопырев.

- Ну, конечно, - усмехнулась Запевалова. – Для Антоши, скорее.

И затем, не обращая никакого внимания на Лукьянчикову, которая и так еле сдержалась, чтобы не разреветься, обратилась уже к Бородину:

- Антоша, ты заценил Олины старания?

Бородин смолчал, а Ольга, всхлипнув, выбежала из комнаты.

- Обязательно надо было ее обижать? – спросила я.

Запевалова уставилась на меня вопросительно, мол, кто там еще осмелился вякнуть. Но тут и Бородин подал голос:

- Правда, Женька. Зачем ты так? Оля, смотри, как приготовилась, ждала тебя, а ты...

- Ах, какие вы у нас нежные! А ты, как ее подруга, сама должна была сказать Лукьянчиковой, что она в этом стремном балахоне выглядит как тридцатилетняя тетка. Глупо, смешно и нелепо. Это я еще молчу про чудовищный мэйк-

ап. Вот тебе, Бородин, скажи честно, это понравилось?

- Ну...непривычно как-то, - замялся, смутившись, Бородин.

- Дипломат хренов. Да позорно это, а не непривычно, - резюмировала Женька.

Лопырев весь разговор подхихикивал, а потом решил, видимо, тоже вставить свои пять копеек:

- А на каблуках она вообще, как корова.

- Вот! – одобрила Запевалова.

- Антон, иди, - шепнула я Бородину, - пожалей Ольгу.

- Да я не знаю...

- Сходи, сходи, - согласилась Запевалова. – А то нам дело обсуждать надо, нет времени ее истерики переживать.

- А чего я-то? – неожиданно возмутился Бородин.

- Ну а кто виновник всего? Не ради нас ведь она так себя изуродовала, а ради тебя, так что вся ответственность на твои плечи, - Запевалова почти смеялась.

Бородин, и сам красный под стать Ольге, сердито буркнул:

- Я к ней пойду. Но только не надо всякую ерунду про меня сочинять.

Буквально через пять секунд он вернулся и сказал, что Лукьянчикова закрылась в ванной и его не впустила.

А еще минут через десять пришла и сама Ольга. Всю косметику она смыла, волосы собрала в пучок и переоделась в домашние штаны и футболку. Лицо было красным и припухшим, сразу видно, что она долго рыдала.

- Оль, ты что, обиделась на меня? – невинно спросила Запевалова.

Лукьянчикова мотнула головой.

- Ну и ладненько. Можем приступать к нашему главному вопросу – как мы накажем Расходникова.

- За это не мешает и по бокальчику, - воскликнул Лопырев, даже не скрывая радости.

Он откупорил бутылку и наполнил бокалы.

Пить вино Запевалова как и раньше отказалась, я сначала тоже не стала. Но только речь вновь зашла о Диме, меня сразу кинуло в жар.

Я, наверное, покраснела сильнее Ольги, когда ту позорила Запевалова. Руки стали неуклюжие, движения неловкие. И еще этот внутренний мандраж, будь он неладен!

Я запаниковала, что выдам себя, что Запевалова догадается о моих чувствах к Диме. Поэтому опрокинула в себя целый бокал, а, может, и два – слышала, что это дело успокаивает. И верно. Помню, удивленные глаза Бородина.

Помню, как хихикал Лопырев, как Лукьянчикова совала мне бутерброд, мол, закусывать надо, а я отнекивалась, потому что кусок в горло не лез.

Помню, как ругалась Женька, что, мол, серьезный вопрос надо обсудить, а я – никакая. Ну а больше ничего не помню. Полный провал в памяти.

В себя пришла только дома, поздним вечером. Мама ска-

зала, что меня, как куль, притащили Бородин с Лопыревым.

30. Таня

До чего же мне было стыдно перед родителями! А еще очень-очень плохо. Полночи меня мутило и выворачивало. Раз за разом бегала в ванную, а наутро проснулась ни жива, ни мертва.

На кухне ругались родители. Папа кричал так, что наверняка все сосед слышали:

- Дожили – мою дочь, восьмиклассницу, пьяную в доску, приволакивают какие-то парни! Это же позорище какое! Какой срам! Ее, наверное, полдома видело. Что о нас подумали?! Я теперь не смогу спокойно людям в глаза смотреть. Это ты во всем виновата! Распустила ее донельзя! Во всем ей потакаешь, все ей разрешаешь. И на – полюбуйся. Результат твоего воспитания – налицо!

Мама ему отвечала, но так тихо, что я, как ни вслушивалась, разобрать не могла.

- Это же смешно! Что за нелепые отговорки! Ей – всего четырнадцать. Я в ее возрасте даже подумать бы не посмел о том, чтобы напиться. Да мой отец прибил бы меня на месте. И ей по-хорошему стоило бы всыпать ремня. И тебе заодно – чтобы за дочерью лучше смотрела. Я вас всем обеспечиваю, вы нужды ни в чем не знаете. У меня такая напряженная работа, дома мне нужен покой и отдых. И вот тебе, пожалуйста, покой! И это еще надо разобраться, что с ней за парни были

и чем они там занимались.

Мама опять еле слышно ему ответила.

- Ах, ты их знаешь! Хорошеньких же друзей ты для нее подобрала! Может, она и напилась с твоего позволения? Чей сын? Бородина? Того самого? А-а. Ну, ладно. Но все равно это ни в какие ворота! Так, чтобы она была наказана. Никаких прогулок, никаких подарков. Ясно? И если еще хоть раз... Вы у меня обе бедные будете. Всё, я сказал.

Бедная мамочка! Я поклялась себе, что никогда и ни за что на свете ни капли больше не выпью.

Папа уехал на работу очень рассерженный. А пока он не ушел, я даже боялась высунуться из своей комнаты. Да и потом тоже неловко было. Думала, мама будет ругать меня, но она вдруг сказала:

- Оставайся, Танюшка, сегодня дома. Я позвоню Тамаре Ивановне.

- А как же папа?

- А мы ему не скажем. Спи, набирайся сил. Вон, ты вся серая какая.

Я завернулась в одеяло и с мыслями, заметит ли Дима мое сегодняшнее отсутствие, провалилась в сон. Но выспаться все равно не удалось. Позвонила Запевалова и привязалась с расспросами:

- Ты где? Почему в школу не пришла?

- Я заболела. Ну, то есть плохо себя чувствую.

- Ясно. Знаем мы, как ты заболела. Пить надо меньше! Ты

мне, между прочим, всё дело срываешь!

- Какое дело? – не поняла я.

- Ну, здравствуйте, пожалуйста! Мы же вчера обсуждали у Ольги. Забыла? Что, совсем память отшибло? Мы решали, как с новеньким разобратся. Ладно, слушай. Класс поддержал наше предложение. Единогласно. Можешь сегодня в себя приходить, мы пока сейчас сходим осмотрим место, а завтра...

У меня внутри все похолодело. Как я могла такое забыть! Ведь и правда у Лукьянчиковой Женька говорила, что пора Диму «прописать». А я слушала ее вполуха, потому что озабочена была только одним, как бы себя не выдать, как успокоиться, а потом меня и вовсе развезло. Но слово «прописка» где-то на подкорке, ну, или где там, все-таки отложилось.

Вообще, в нашем классе, сколько помню, так было всегда заведено – устраивать новеньким «прописку». Причем не только мальчикам, но и девочкам.

Бывает «черная» прописка, бывает «белая». Белая – это когда весь класс просто над человеком прикалывается. Почти беззлобно, но я бы так не хотела для себя.

Мы заранее обговаривали место и время, куда должен явиться каждый и новенький, конечно. Ну а там могли назначить щелбаны, чилимы, пинки или всё сразу. Не очень сильные, больше для виду. Такую «белую прописку» делали пацанам.

В случае с девчонками всё сложнее – с ними устраивали

целое представление. Например, было что-то вроде игры в фанты. Каждый из нас писал желание на бумажке. А новенькая должна была достать наугад десять таких бумажек и в точности выполнить все, что там написано.

Но всегда можно было и откупиться. Например, сводить весь класс в кино или в боулинг.

Совсем другое дело – прописка по-черному.

Ее устраивают тем, кто только пришел и уже успел серьезно проштрафиться перед классом или же просто очень не понравился с первого взгляда. Пока случаев с «черной пропиской» было всего лишь два, последний из которых – самый жесткий – с Кристиной Волковой. Хотя она и девочка. Да и вообще ее не прописывали, а судили.

Словом, черт разберет эти правила и обычаи, которые навязала всем наша ненормальная Запевалова.

Но я прекрасно помню, как первая «черная прописка» плавно перетекла в постоянную травлю, пока тот бедняга от нас не выбыл. И вот теперь подобную участь готовят Диме!

Запевалова, как она сказала, наблюдала за ним несколько дней. Выяснила его маршрут, прямо по часам и минутам, и предложила перехватить по дороге из школы, а там уж разобраться с ним.

- Я все вычислила, - сообщила Женька. – После школы он не сразу идет домой. Еще какое-то время болтается с Мансур, иногда провожает ее, так что у нас в любом случае будет время преспокойно дойти и устроиться на месте. Нам повез-

ло, что он срезает дорогу через гаражи в Пожарном переулке. Тихо, безлюдно, есть, где спрятаться, в общем, лучше не придумаешь. Там мы его и подождем.

Я металась, места себе не находила. Хотела предупредить его, но как? Ни номера, ни адреса Димы я не знала. Не к Аните же обращаться, в самом деле.

В конце концов, решила, что напишу записку и в школе как-нибудь украдкой передам ему.

31. Таня

Записку для Димы я писала, наверное, дольше, чем сочинение по роману Толстого «Война и мир». Никак не могла подобрать нужные слова. Потом еще ломала голову, обратиться к нему по имени или нет.

В итоге текст получился таким: «Сегодня после уроков тебя ждет засада в Пожарном переулке». Звучит нелепо, да, особенно эта дурацкая «засада», но лучше все равно ничего не придумалось.

Однако осталось самое трудное – улучшить момент и передать ему так, чтобы никто не заметил.

Первый урок прошел, закончилась перемена, второй, третий, а удобный случай так и не подворачивался. В середине четвертого урока, это была алгебра, Дима попросился выйти. Я – следом.

Казалось бы, что проще – окликнуть да быстренько отдать. На меня же вновь напал какой-то морок. На ватных ногах я плелась за ним по коридору, он дважды оглянулся, потом остановился.

- Что ты за мной ходишь?

Это было первое, что он мне сказал с момента нашей встречи. Не самая приятная фраза, сказанная не самым приятным тоном, но тут я сама виновата

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.